

3 раздел «Ты хочешь мира? Помни о войне!», стихи, рассказы, очерки, эссе о войне.

Василий Макарович Семенищев, участник Великой Отечественной войны, пгт. Оричи
(1926 - 2000)

«Солдатские думы»

Шагал я, шагал по Карельским лесам
На фронт со стрелковою ротой.
И видел у старых солдат на усах
Блестящие капельки пота.
Тогда неокрепшим рассудком юнца
Причину тех капель понять не пытался,
Не мыслил вкусить, осознать до конца,
Как старый солдат в своих думах копался.
Где жена у него? Где детишки? Где мать?
Всё оставил. Но всё ль сохранили?
Суждено ли ему к ним вернуться назад,
Или место в солдатской могиле?
Думы потом покрыли седые усы,
Под тяжестью доли судьба кровотоцит.
Неужель, его жизнь не увидит красы,
Неужель впереди беспросветные ночи?
Но шагает солдат. А стрельба впереди.
Рукопашные схватки, окопы...
Нет. Он смерть оттолкнёт! И медаль на груди,
И к Победе ведущие тропы!

«На грани жизни»

*Биографическое повествование о боевом пути
старшего сержанта
Ивана Семеновича Вылегжанина,
солдата Великой Отечественной*

Семенищев В.М.

Говорит Иван Семенович о своей деревне ласково. Родился он в деревне Изиповке, расположившейся на реке Пижме Чистопольского сельсовета Арбажского, а ныне - Чистопольского сельского округа Котельничского района

Кировской области. 65 домов, в каждом из которых семьи, скот. Вокруг которых просторы полей, леса. Корабельные сосны, стройные красивые ели, густой березняк окаймлялись перелесками, где утоляла свою тягу к беготне деревенская ребятня.

Вылегжанин И.С.

Двенадцатым ребенком появился Иван в многодетной семье. То ли тесно было в избе, то ли по жребию Всевышнего, но появился он на свет в чистом поле, где мать его, Анна Яковлевна, разгребала навоз. Отложив в сторону вилы, она распросталась. Завернула своего малышку в портяной зипун и после обеда явилась в дом.

Рождение в таких «полевых условиях», как шутит порой Иван Семенович, очевидно, внесло в его характер дух самостоятельности, решительности, трудолюбия и почтительного отношения к людям. Он с детства не так остро воспринимает неожиданности, быстро ориентируется в поисках выхода из них. Но ранняя самостоятельность, по признанию, Ивана Семеновича, его никогда не подводила.

Окончил пять классов Чистопольской школы и в 1932 году в тринадцатилетнем возрасте уже стал участником коллективизации. Отцу, Ивану Кирилловичу, к тому времени уже перевалило за пятьдесят. Личное хозяйство с немалым количеством скота, с земельными угодьями, хозяйственным инвентарем, созданное годами изнурительного труда, составляло суть жизни его и всей семьи. Старшие братья и сестры уже покинули отчий дом, жили своими семьями. При родителях оставался Иван с двумя сестрами, которые были старше его. Настало время для Ивана смело шагнуть в свою несовершеннолетнюю самостоятельность. И он сделал этот шаг, заявив о своем желании быть в колхозе и комсомоле.

В 1933-1935 годах Иван летом работал в колхозе, зимой на лесозаготовках: возил на лошади лес в поселок Разбойный Бор в Оричевском районе. В шестнадцатилетнем возрасте направили его на курсы трактористов, и уже в 1936 году со своим напарником он в Верхотульской МТС получает старенький трактор. Вскоре напарника призывают в армию, и этот изношенный трактор преподнес начинающему механизатору немало хлопот.

- Проеду два-три круга- подшипники стучат,- вспоминает Иван Семенович,- Подтягиваю, и снова два-три круга. Надоело! Подогнал трактор к конторе МТС, захожу к директору и говорю, что на такой развалюхе работать не буду, не могу.

Визит молодого тракториста директор воспринял как неслыханную дерзость и выдал юноше набор резкостей и словесной похабщины. Но почувствовав, что переборщил, смилостивился, вызвал механика, установил, что трактор обойден своевременным ремонтом, отпустил Ивана домой. Через неделю его посадили на другой трактор, не новый, но исправный. На нем-то молодой тракторист и раскрыл свои способности, смекалку и трудолюбие.

Как раз пришла пора пахать зябь. Делал по две нормы за смену. Однажды за одну смену заработал 31 трудодень. А трудодень тогда был в цене. На один трудодень тогда давали три рубля деньгами и хлеба (количество Иван Семенович не помнит). Друзья - механизаторы забеспокоились. Не всем Ивановы рекорды пришлись по нраву.

-Куда рвешь? – шипели некоторые.—С пуца, смотри, сорвешь. Хватит нам нос подтирать...

Не всё, конечно, было понятно молодому парню в их речах, но правда была в том, что если так ломить, действительно начнет кособочить. Нормы выработки не глупцами придуманы – прозревал молодой механизатор, но что делать, коль руки пока устали не знали.

Известность, как ласточка, порхнет быстро и становится достоянием того, кто в ней нуждается. Докатилась она и до родственника, работавшего бригадиром

тракторной бригады в Караваевской МТС Тужинского района, куда и переманил он Ивана. Там насытился работой Иван, заработал много хлеба, который получать пришлось отцу по доверенности сына: его призвали в армию.

- Не на один год хватит, - писал в письме отец сыну и хвалил за трудолюбие.

А призван был в армию Иван Семенович в сентябре 1939 года. Около двух недель отдыхал перед уходом из деревни, порекрутил, с друзьями песен попел, поплясал... Уходил с хорошим настроением. Не было и мысли, что покидает он родные края на долгие годы.

В конце сентября 1939 года вятских новобранцев привезли в Благовещенск. Иван Вылегжанин был зачислен во второй отдельный мотопонтонный мостовой полк. Пятиклассное образование в Чистопольской школе явилось пропуском в полковую школу, в которой он проучился до сентября 1940 года и при окончании получил воинское звание старшего сержанта. Зейские сопки явились таким учебным полигоном, что за год ползания по ним пришлось сменить три гимнастерки, изопревшие от пота. Первую часть суворовского изречения «Тяжело в учении - легко в бою» он усвоил в полковой школе, вторую осознать еще предстояло.

Полк дислоцировался в устье реки Будунды, которая впадала в Зею, а через пять километров от расположения полка, в Благовещенске, Зея впадала в Амур.

Такое расположение полка было не случайным. Водные преграды – та стихия, работать в которой было главным предназначением полка. Уметь держаться на воде, плавать – одно из обязательных требований к каждому красноармейцу. Поэтому начинающие пловцы обучались на реке Будунде, а совершенствовались в плавании уже на Зее и Амуре.

Иван Вылегжанин весной 1941 года был направлен в должности командира отделения в составе инженерно-технической роты на строительство шоссейной дороги в район реки Бурья, недалеко от станции Домикант.

Работа шла в обычном ритме. Иван уже начинал подумывать о скором свидании с родной Изиповкой, но 22 июня взвела сирена. Этот условный знак означал: быть на месте. Срочно выстроили полк и объявили о начале войны.

Посуровели после митинга красноармейцы. Много неясного появилось в их мыслях и думах. Хотя для всех было ясно одно – свидание с родными откладывается. А на какой срок, никто не знает.

Полк в срочном порядке вернулся в Благовещенск, на свою основную базу. Скоро его расформировали на отдельные батальоны. Иван попал в 9-й отдельный мотопонтонный мостовой батальон, который направили на Манчжурскую границу, на станцию Хор, расположенную на берегу одноименной реки. По реке проходила граница с Манчжурией.

До конца 1942 года простоял батальон на границе. Холод, особенно голод, изматывали красноармейцев. Суровые вести с фронтов сжимали их сердца. Из батальона был выделен взвод для ловли рыбы, которая являлась одним из основных продуктов питания. Не все выдерживали такие условия, началось самовольное бегство на фронт.

Не миновала эта беда и отделение Ивана Вылегжанина: сбежал один красноармеец. Иван, как командир отделения, был вызван в особый отдел на допрос и для объяснения о случившемся. Причины бегства подчиненного Иван понимал, но для оправдания такого поступка слов не находил. Допрашивавшие

знали истинные причины случившегося, но ждали от Ивана, чтобы он их назвал. Он догадывался об этом и молчал.

Язык молчал, но душа-то говорила, бередила, наступили бессонные ночи. «Хреновый командир получился из тебя, коль подчиненные от тебя убегают», - корил он себя. Но тут же думал, что он ведь не поп, чтобы каждого исповедовать. К счастью, в начале второго месяца после исчезновения беглеца от него пришло письмо, в котором он сообщал, что воюет под Ленинградом. Никакой он не дезертир, умереть предпочитает в бою, а не от голода. Извиняется перед Иваном за те неприятности, каких, конечно же, особисты преподнесли ему немало. Отнес Иван письмо командиру роты и в ту же ночь уснул крепким сном.

В ноябре 1941 года был сформирован целый эшелон из тридцати железнодорожных вагонов-платформ, груженный старой техникой, которая направлялась на ремонт в город Иман. Для сопровождения назначили группу охранников из пяти человек во главе с Иваном Вылегжаниным. Сопроводять эшелон должен был и командир роты, но он предпочел уехать на пассажирском поезде, а свои обязанности возложил на Ивана. Никакой теплушки в эшелоне не было. Полушубки, шинели, да шерстяные подшлемники не спасали от тридцатиградусного мороза, усиливающегося пронзительным ветром на ходу поезда. Лишь на одной платформе была дощатая тормозная будка, в которой охранники по очереди скрывались от пронизывающего ветра. В будке находились продукты и металлическое ведро. В нем они временами поджигали смоченную в солярке тряпку и хоть на какое-то время согревались. Когда проехали половину пути, кто-то ночью оставил незатушенную тряпку. Ветер раздул пламя, и будка вспыхнула. Иван бросился к ней, вытащил винтовку, нырнул в горящую будку еще раз, чтобы спасти продукты, на нем загорелись шинель и подшлемник. Он попятился, сделал рывок назад, чтобы сбить пламя, но ударился ногами о борт платформы и полетел под откос...

Белый потолок – первое, что увидел Иван, придя в сознание, но понять, где он и что с ним, долго не мог. Лишь на четвертые сутки понял, что он в больнице, руки и грудь в гипсе, в позвоночнике боль, временами резкая, не позволяющая шевельнуться. Голова разбита, сильное сотрясение мозга, правая рука сломана, левая выбита из плечевого сустава. А находится он, оказалось, в госпитале города Бикин.

Около трех месяцев находился Иван на излечении. Боли отступали. Молодой, закаленный в труде организм, одолевал их, но на душе было беспокойно. Где его товарищи, что с эшелонem и что ждет его? Пожар возник по их вине. Медсестра уже перед выпиской рассказала, что с ним произошло, и как он попал в госпиталь.

Оказалось, от железнодорожного моста, возле которого Иван упал с поезда, шел путеобходчик с фонарем. Иван сшиб его с ног, и они вместе покатались под откос. Когда путеобходчик очнулся, увидел под откосом в снежном сугробе красноармейца. На крик путеобходчика из железнодорожной будки пришли на помощь и бесчувственного Ивана доставили в комендатуру, представители которой и привезли его в госпиталь. На перегоне поезд был остановлен, пожар потушен. Кроме дощатой тормозной будки, ничего не сгорело. Эшелон прибыл в город Иман почти в срок.

В госпиталь за Иваном приехал представитель особого отдела. Вновь допросы: как, при каких обстоятельствах начался пожар? Узнал он, что командир

роты, переложивший свои обязанности на Ивана, осужден, а друзья отсидели на гауптвахте.

Душевное спокойствие потихоньку возвращалось. И оно совсем окрепло, когда новый командир роты предложил вернуться в свое отделение и готовиться к отправке. Шла погрузка техники на железнодорожные платформы, батальон готовился к отправке на Запад, на фронт. Наступил февраль 1942 года.

В начале апреля 1942 года эшелон прибыл на Первый Украинский фронт. Выгрузились на небольшой речке возле станции Бусынка. Не успели обжиться, как поступил приказ – вновь в дорогу. Вскоре оказались на Северном Донце.

В городе Валуйки два идущих впереди эшелона попали под бомбежку, вражеская авиация атаковала непрерывно. Не один десяток наших эшелонов на этой станции был смешан с землей. Чья-то опытная рука наводила вражеские бомбовые удары. Их огненный смерч Иван Вылегжанин с друзьями испытал на себе. Временами казалось : земля соединялась с небом, и в грязной круговерти все жило в столах, криках, скрежете искореженного металла. Груды железа, опрокинутые платформы, обгоревшие вагоны, скелеты пристанционных зданий и куски человеческих тел на обвисших проводах – вот что увидел Иван, чудом переживший этот ад.

Несколько суток их батальон занимался очисткой станции. Санитары подбирали раненых, они же рыли братские могилы, предавая земле погибших. Оставшиеся без пищи, с покрасневшими от усталости глазами солдаты батальона навели порядок на станции и переправились на Северный Донец, где в указанном месте в срочном порядке возвели понтонный мост.

Круглосуточная работа без пищи измотала солдат. Неделю питались оставшимися на полях с прошлого года подсолнухами. Лишь на восьмой день привезли украинские галушки, которые по пути превратились в месиво. Галушки, приготовленные на комбижире, перемешались в солдатских желудках с гнилыми подсолнухами, что вызвало у многих дизентерию.

В это время по дивизии, в составе которой находился их батальон, немцы нанесли сильнейший удар. Дивизия дрогнула, началось беспорядочное отступление до реки Дон. Река покрылась людьми, преодолевавшими ее кто как мог. Многим оказалось не под силу, и они утонули.

Приказ Сталина «Ни шагу назад!» понтонно-мостовой батальон получил уже в Сталинграде. Организация паромной переправы через Волгу стала главной задачей батальона. Иван Семенович выполнял обязанности механика. Исправность тракторов, катеров, их способность круглосуточно таскать баржи – за все это отвечал он. Баржи с горючим часто разбивали вражеские артиллерия и авиация. Горючее покрывало водную поверхность, вспыхивало ярким пламенем. Казалось, вода в Волге горела, и сквозь этот огонь батальон все лето 1942 года проводил баржи, обеспечивая переправу, помогая доставлять в Сталинград людскую силу и технику. Потом батальон перебросили на Орловско - Курскую дугу.

На реке Хопер Иван Семенович в составе инженерно - технической роты охранял построенный ими мост. Переправа имела большое значение, поэтому бомбили ее беспрестанно, не давая ни минуты передышки. В одну из бомбежек прямо в машину угодила бомба. Когда она еще свистела в воздухе, солдаты успели выскочить из кузова и скатиться в придорожный кювет. От шофера же нашли позднее один ботинок. В беспамятстве Иван был доставлен в медсанбат. После этой контузии долго не слышал.

Батальон оказался в окружении, об этом узнали уцелевшие и раненые. Командир батальона в панике сбежал к немцам, командование батальоном взял на себя комиссар. Он собрал личный состав, сообщил о предательстве командира и разъяснил план дальнейших действий...

Из окружения батальон вышел к станции Вешенской, родине писателя М.А. Шолохова. Начинаясь 1943 год.

В армии во все времена существовала специализация: саперы, автоматчики артиллеристы, минометчики, разведчики, связисты и т.д. Но на войне часто приходилось забывать, к какому роду войск принадлежишь, а делать то, что необходимо. Поэтому солдат Советской Армии был в годы войны универсален.

Инженерная часть Ивана Семеновича, призванная наводить переправы и охранять их, получила летом 1943 года приказ вылавливать полицаяв в предместьях города Глухова, скрывающихся в лесах от людского возмездия. В одной из деревень отделению Ивана пришлось заночевать в украинской хате, где они и «подцепили» тиф. Целую машину тифозников, среди которых был и Иван, долго возили в поисках больницы, наконец, в городе Козелец нашли инфекционный госпиталь, но некоторым он оказался уже не нужным. Предсмертный криз постиг и Ивана Вылегжанина. В состоянии беспамятства он вместе с трупами был помещен в морг. Госпиталь находился в здании деревянной школы. Небольшой пристрой - кладовка размером примерно 3х6 метров был приспособлен под морг. Здесь, как дрова в поленницу, укладывали покойников слоями, крест-накрест. Иван оказался в четвертом от пола ярусе, с краю (а не в середине и не у стены). Это и сохранило ему жизнь. Ночью он, очевидно, пошевелился и оказался на полу, чему немало удивились санитары, принесшие на второй день несколько новых трупов. Хотели Ивана положить на место, а он не окоченел. Схватили за руку, услышали слабый пульс. Прибывший врач приказал унести его в палату. Через четыре месяца, при выписке, Иван Семенович зашел в кладовку – морг, чтобы взглянуть на место отправки мертвецов на «тот свет», из которого волею судьбы удалось ему выбраться.

В декабре 1943 года прибыл он в Киев, в свой батальон, который достраивал мост через Днепр. Тиф подкосил его здоровье, сил еще не накопилось в достатке, он надорвался и снова попал в госпиталь: была проведена операция по поводу ущемленной грыжи. Началась эвакуация раненых и больных, но Иван со своим другом решили отказаться от эвакуации, хотя оба были прикованы к постели. Надежда на выносливость, быстрое восстановление сил, нежелание отставать от своей части, да и молодецкое безрассудство обеспечили им впоследствии не жизнь, а существование на грани жизни и смерти.

Когда госпиталь эвакуировали, в здании наступила гробовая тишина. На такое они никак не рассчитывали. Оказалось, они остались вдвоем в пустой палате, где, кроме одинокого стола и графина с водой, ничего не было. Холодные, голодные, всеми забытые (по своей воле), они, беспомощные, лежали более трех суток. На четвертые сутки услышали людской шум. Твердой походкой вошел высокий мужчина в сопровождении группы людей. Громким голосом он спросил Ивана:

- С чем лежишь?

- С червями, - слабым голосом ответил Иван.

Мужчина (оказалось, начальник нового госпиталя) откинул одеяло и позвал санитаров. Произошло заражение кишечника.

Начались драматические для Ивана дни. Ежедневно на тележке его возили на перевязку, делали ее под наркозом. Более двух месяцев лежал он, привязанный к кровати, чтоб не пускал в ход руки и не делал резких движений. Как живут родные? Нелегко им! Но боли у них другие. Перенесут ли они их? Дождутся ли его. Он – то перенесет боли?

Выжить помогла старшая операционная сестра Эльза Семеновна Ровинская. Ее, еврейку по национальности, Иван Семенович вспоминает с великой любовью. Она спасла его! Силы, умение, возможности – все использовала, чтобы поставить Ивана на ноги. Необходимых лекарств не было. Эльза Семеновна сама делала перевязки, приносила таблетки стрептоцида, дефицитнейшего в то время и в тех условиях, растирала их и посыпала рану. А вечером иногда приносила мензурку спирта и дольку чеснока - для появления аппетита. Помогла выздороветь. А как пошел на поправку, стал сидеть на кровати, предложил Эльзе Семеновне свою помощь. Она приносила ему ворох выстиранных, просушенных бинтов, и Иван целыми днями скатывал их в рулончики. С месяц, перед выпиской, помогал он медикам. Это, в известной мере, впоследствии отразилось и на его трудовой деятельности.

В конце мая 1944 года Иван Семенович выписался из госпиталя. Он стремился возвратиться в свой батальон, а сделать это в то время было нелегко. Помогла опять же Эльза Семеновна, которая добилась, чтобы на истории его болезни сделали визу: «Направить в распоряжение военного коменданта города Киева». Комендант помог узнать месторасположения его части, и в последних числах мая 1944 года Иван Семенович появился в своем батальоне, который находился уже под Варшавой.

Командир батальона, Герой Советского Союза, подполковник Скляр знал Ивана Вылегжанина, как дисциплинированного сержанта, немало уже перенесшего и повидавшего. Поэтому проявил к нему отцовскую заботу. В городе Глухове, на Украине, была оставлена часть батальонной техники: тракторы, автомашины, прицепы. Охранял ее целый взвод.

- Возьми с собой четырех солдат и поезжай в Глухов. Отдохнешь после госпиталя, поправишься, и техника будет сохранена. А взвод пусть возвращается сюда,- такое распоряжение получил Иван Семенович и со своей группой отправился к месту назначения.

К Глухову была до войны проложена тупиковая железнодорожная ветка. К прибытию Ивановой группы ее разобрали, и отправлять технику железнодорожным путем оказалось невозможно. После трехмесячной неопределенности был получен приказ передать ее в распоряжение сформированного в городе офицерского учебного пункта. В сентябре 1944 года Иван Семенович со своей группой вернулся в город Коваль. В начале зимы оказался уже в Познани.

Строительство моста через приток Вислы без содрогания вспоминать и сегодня невозможно. Началось мощное наступление наших войск. Через мост двигались артиллерия, пехота, танки Т-34 – мост выдерживал. Но пошли тяжелые танки «КВ». И первый же, дойдя до середины, провалился под воду: мост не выдержал. Последовал приказ: «В течение суток восстановить мост, способный пропускать тяжелые танки». В помощь мотопонтонному батальону было направлено немало саперных частей.

Взвод Вылегжанина работал в прибрежном лесу. Спиленные деревья отправляли к месту строительства. Под незатихающую артиллерийскую канонаду, беспрерывные атаки немецких самолетов лесорубы продолжали работу. Порой бомбы рвались и здесь. Убитых сносили и складывали меж валежника, чтобы после окончания строительства предать тела земле.

Мост был построен в срок, тяжелая техника и пехота ринулись по нему. Отведенный на передышку батальон не досчитался трети личного состава.

До падения Берлина держали переправу через Одер, потом Эльбу.

Памятна Ивану Семеновичу встреча с американцами. Некоторые солдаты его батальона запечатлены на киноплёнке, и он видел их в фильме «Встреча на Эльбе».

После окончания войны батальон расположился на окраине Берлина. Побывали у рейхстага, посмотрели на логово Гитлера. В конце мая 1945 года батальон погрузился в эшелон и отправился в родные края. Пятьдесят пять суток шел эшелон от Берлина до Дальнего Востока. Мостостроители возвращались туда, откуда выехали в 1942 году.

9 августа 1945 года батальон разгрузился и направился через маньчжурскую границу в город Дуннин. От него начались трудные дневные переходы по сопкам Маньчжурии. Иногда преодолевали за день до 40 километров. Двигались к Харбину. Но дойти не успели: Япония капитулировала, и был получен приказ вернуться в Дуннин. В нем долго не задержались. Часть была переброшена во Владивосток, где и простояла на Второй речке до 17 декабря 1945 года.

Погрузка батальона со всей техникой на океанский корабль «Плеханов» совпала с погрузкой другой воинской части на другой корабль. Стал известен и пункт назначения: Петропавловск Камчатский. «Плеханов» шел вторым. Внизу, в трюмах, на нарах отдыхали солдаты. Отдыхали физически и душевно: вода позади, впереди трудовая мирная жизнь. Многим уже виделась скорая демобилизация. Уже сорок пятый заканчивается, а ясности нет, одно лишь предчувствие.

Пройдя пролив Лаперуза, оба корабля оказались в Тихом океане, который встретил их страшным штормом. Впереди идущий корабль не выдержал и переломился. Лишь команде моряков в 48 человек удалось перебраться на «Плеханов» и спастись, а сотни солдат, размещенных в трюмах, были поглощены стихией. От сильного удара волны потерял управление и «Плеханов». Целую неделю волны мотали корабль, как спичечную коробку. Солдаты чувствовали, что с кораблем что-то неладное. Беспокойство на грани потери самоконтроля вынудило командование сказать правду о происходящем, хотя она была уже известна всем, требовалось мужество сказать ее. Было созвано открытое партийное собрание. Парторг и подполковник Скляр объявили о том, что случилось с кораблем, о мерах, какие предпринимают команда и капитан, и признали, что не исключается гибель корабля со всеми, кто находится на нем. Установилась тишина. В ней были спрессованы судьбы сотен людей, прошедших огонь, но оказавшихся бессильными перед водной стихией. Тишину разрезал голос парторга. Он предложил кандидатам в члены партии заявить о желании стать коммунистами. Предложение было принято. Оно всколыхнуло и сверкающей молнией надежды коснулось солдатских душ. Поднялись не только те, у кого истек кандидатский стаж, многие заявили о желании стать кандидатами в члены ВКП(б). У Ивана Семеновича кандидатский стаж уже истек. Имя его было названо. Он встал и заявил, что желает быть коммунистом. Росло количество устных заявлений о желании свой остаток жизни связать с принадлежностью к Коммунистической партии. Сильный внутренний

порыв в предсмертный час объединил в единое целое солдатскую массу, зажатую в трюмах корабля среди свирепствовавшего могучего Тихого океана. Иван Семенович не мастер высокопарных слов, но говорит: «В тот страшный миг многие находящиеся рядом хотели быть и стали коммунистами». Что двигало их на такой порыв, он и сейчас ответить не может. У каждого было свое на уме, но только ни у кого не было трусости. Была осознанная безысходность, верить в которую никто не хотел.

На тринадцатые сутки пришла помощь. Появились корабли, взяли «Плеханова» на буксир и в канун 1946 года доставили в Петропавловск-Камчатский.

Прошел Иван Семенович огненные дороги, познал и силу вод Тихого океана. Жизнь и служба продолжалась в поселке Эльзово в тридцати километрах от города. До сентября 1946 года он работал на строительстве нового военного городка.

В начале октября 1946 года Иван Семенович сошел с поезда на станции Оричи. Его брат Михаил работал лесничим и жил в селе Спас - Талица. Встреча с ним была необходима: родителей в живых уже не было, из братьев в живых остался только он. Старшие братья Трофим и Ефим погибли.

Гостить долго, и отдыхать после семилетней службы по тем временам было делом неслыханным. В родной деревне Изиповке вместо шестидесяти пяти осталось лишь двадцать домов. Многие почернели. Дом, в котором жила семья старшего, погибшего брата, покосился. Крыша и ограда требовали ремонта, мужицких рук, а их не было.

Иван повидал много городов и деревень, опаленных огнем войны. А какой «огонь» полыхал в Изиповке? Особый какой-то: не обугленные головешки остались после него, а гниль, заросшие мхом закладные бревна, углы изб, переломившиеся стропила оград и сползшие с крыш полугнилые доски. Разве бы устарела Изиповка за семь лет, если б не исчезли ее жители?

О многом рассуждал про себя, сидя на покосившемся крылечке вечером, Иван Семенович. Наутро он покидал Изиповку, чтобы вить свое гнездо в другом месте: теснить семью старшего погибшего брата он не хотел.

В городе Халтурине в мае 1948 года он окончил курсы и получил права шофера. А еще в феврале того же года женился и поселился в семье молодой жены в деревне Копычевы Истобенского сельсовета. И тут судьба припасла еще один сюрприз, страшный, заставивший его еще раз почувствовать грань жизни. Ходил он из деревни Копычевы до Халтурина пешком (в выходные дни). Выходил из дома в четыре часа утра и успевал к началу занятий. В одно февральское утро, в солдатской шинели и сапогах, с продуктовым вещмешком за спиной, он перешел по льду Вятку и направился к деревне Затон. И вдруг на обочине тропы метрах в двадцати перед ним предстала стая волков – матерые, и подростки. Что делать? Волки сидят, раскрыв пасти, и смотрят на Ивана. Холод расходился по всему телу, рука машинально оказалась в кармане, нащупала газету. Мелькнула спасительная мысль: «Волки боятся огня». Свернул газету в трубку, поджег. К счастью, она загорелась... Помахивая ею, направляя искры в сторону стаи, начал продвигаться вперед. Пропустили, но тут же оказались на его тропе. И, задрав головы, подняли душераздирающий вой. Иван же пятился осторожно, не давая потухнуть огню и исчезнуть искрам. Наконец, тропинка повернула, и опушка леса скрыла стаю. Вот тут-то Иван дал такого деру, что никакой армейский бросок не фиксировал такую скорость.

До 1959 года работал Иван Семенович в колхозе «Коржавинский» и в Оричевской автороте, а с 1959 по 1988 годы - в Оричевской центральной районной больнице. Восемь лет на машине медицинского обслуживания, а в последующие годы, до выхода на пенсию в возрасте 69 лет,- шофером «скорой помощи».

На войне он видел труд медиков. Они не раз вытаскивали его из рук смерти. Поэтому 29 лет трудовой жизни он посвятил тому, чтобы облегчить их труд, помогать им своевременно оказываться там, где их ждут больные. А ожидания больных ему тоже были известны и понятны.

Дети выросли. Дочь Ирина – преподаватель Вятской сельхозакадемии. Сын Николай – преподаватель одной из школ Кирово - Чепецка. Выросли внуки. Все бы хорошо, но в 1997 году умерла жена Тамара Николаевна. 5 июня 1999 года ему исполнилось 80 лет. Жизнь прожита честно. Все, что ему поручали, выполнял, ни отчего никогда не отказывался, был всю жизнь законопослушным. Что бы еще?

Но на душе беспокойно. Не думал он, как и все его сверстники, что старость их будет покрыта ложью и обманом, исходящим из уст государственных деятелей и представителей местных властей. Пенсию вовремя не выдают, размер ее никак не соответствует прожиточному минимуму. Уйма лозунгов, бумажных документов, провозглашающих заботу о ветеранах. На деле же ничего не выполняется.

Обидно и больно старикам и старухам, вынесшим на своих плечах все тяготы и лишения Отечественной войны, прославившим на весь мир свою Отчизну Великой Победой, под старость получать от сегодняшних руководителей России огромный кукиш.

И не стыдятся они, а призывают стариков надеяться на лучшее, терпеть. Не понимают, что терпеть в восьмидесятилетнем возрасте – великие муки. А не понимают потому, что молоды. Но поймут, если попадут в объятия Тихого океана во время шторма или под бомбежку. Всего этого-то и не желает им Иван Семенович. Он желает, чтобы пути к пониманию они нашли другие.

Октябрь 1988 г.- февраль 1999 г.

П.Оричи

Посвящается И.С. Вылегжанину.

Беду не ждут нигде и никогда,
Она всегда нечаянно нагрянет.
На то она, наверно, и беда, -
Исподтишка, чтоб побольнее ранить.
Не ждут беду, болезни, смерть не ждут,
Но что поделаться, если так случится.
Тревожен телефон, и важно тут
Ни на секунду, ни на миг не ошибиться.
Не опоздать! Не опоздать! Не опоздать!
Зависит от минут, секунд спасенье,
Пусть он не носит докторский халат,
Но и ему подчинены мгновенья.
Не зря же помощь скорою зовут,
Скорей! Скорей! В твоих руках спасенье...
Не ждут беду, болезни, смерть не ждут,
Пусть вам сопутствует выздоровленье!

Л. Ишутинова

Людмила Ишутинова (1950 – 1994), дочь фронтовика, уроженка п. Оричи, г. Киров.

ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА

Нас отцы покидают, уходят, их сердце устало.
Знать, и для сердца солдата еще не закончился бой,
Значит, весен, прошедших без войн, было все-таки мало,
Чтобы зажили раны, и все возвратились домой.
Нас отцы покидают, уходят. До срока старея,
Наши мамы седеют, одеты во вдовый наряд.
Неужели придется и нам версты трудные мерить,
Нашим детям отцов раньше срока придется терять?

Обе бабки мои были, видно, везучие,
Их мужья возвратились с проклятой войны
Не без рук, не без ног. Что придумаешь лучшего
Для такой долгожданной победной весны?
И на зависть солдаткам гармошка играла,
Гнулся пол от нелёгких солдатских сапог,
Но для бабьего счастья везения мало,
А война никогда не кончается в срок.
Настигает она, окликает уверенно,
Будто все у неё в неоплатном долгу.
Обе бабки мои овдовели до времени,
Полной чашей «сиротство» хлебнув на веку.

В ПАРКЕ «ПОБЕДЫ»

От войны и раздоров ты был вдалеке,
Милый край мой на Вятке - негромкой реке.
Не терзали тебя не вражда, не фронты,
Ты всегда для Руси был надёжнейший тыл.
Но стрела обелиска пронзает насквозь
Синь небес и щемящую песню берёз.
И «Прощанье славянки» откуда-то вдруг
В юном парке «Победы», не знавшем разлук.

ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ

Она стеснялась рук своих,
Больших, шершавых, узловатых,
И даже как-то виновато
Передником прикрыла их.
И говорила нараспев
И всё старалась о хорошем,
Вот только быть бы помоложе,

Помогутнее, а в судьбе...
Да что в судьбе - всё на ладони:
Вдова с войны, трёх сыновей
Растила и семьёй своей
Теперь на старости довольна.
Да и работала ничуть
Других не хуже и не лучше,
А коли жизнь брала покруче,
Так бабам всем пришлось хлебнуть.

Награды? Да забыли дать.
Вот за войну медаль давали,
А после, знать не до медалей,
На баб медалей не набрать.
Я слушала её рассказ,
Неторопливый, слово к слову,
И на редактора сердясь,
Не находила в нём основу.
Мне всё казалось, что не то,
Совсем не то, не так, всё скучно,
В газете говорят о лучших,
Ну, а старуха эта кто?
...Всё познаётся, но не вдруг.
Геройство, мужество, терпенье
И узловатых рук смущенье,
И крепость этих бабьих рук.

Виктор Тулакин (1927 – 2002), брат фронтовика, п. Торфяной.

ОЖИДАНИЕ
(Клавдии Синцовой)

Чудные в свете есть дела,
Застряли в памяти ухабах.
Культ личности изобрела
В селе родном солдатка – баба.

Ей только иль другим дано?
Вопрос оставлю без ответа.
На каждый вечер чугунок
С похлёбкой ставила в загнету.

И много дней и лет подряд
Ждала: вот из дождя ли, снега ли
Придёт домой её солдат
С разъезда близкого Шалегова.

Всё верила, ждала: а вдруг,

С надеждой то большой, то зыбкой
В ночи услышит дробный стук
Его руки об их обшивку.

Устал он, голоден, промок?
С войны придёт, с того ли света?
И вновь картошки чугунок
Усадит в зарево загнеты.

Жива она, иль не жива?
Чем окупилась вера в чудо?
Всё ж благодарности слова
Сказал воды чистейшей людям.

Услышу – каждому своё,
Что слёзы горькие? – Водича.
Перед причудою её
Всё ж не мешало б преклониться.

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА (брату Валентину)

Из января, из сорок третьего,
На сгибах стёртые весьма.
Как три послания предсмертные,
Храню от брата три письма.
Три треугольные, недлинные,
С тревогами военных дней,
С углами острыми, как клиньями,
Застряли в памяти моей.
По доброй воле вместе с сотнями,
Оставив дом, голодный тыл,
Брат в Ярославское пехотное,
Как в неизвестность уходил.
В окопах стал он конспиратором.
Где взять ему бумаги клочок?
На наших письмах аккуратно он
Писал ответы... между строк.
Победа! Все «Ура!» кричат,
Но писем нет, молчанье страшно.
И весть: «В районе Калача
Погиб он в схватке рукопашной!»
Тащатся годы, мчатся числа,
Привычке я не изменю:
Заряженные болью письма,
На сгибах стёртые, храню.
И тосковать не перестану:

Где время – друг, где время – враг,
Зализывает зверем раны,
А эту не смогло никак.

Валентин Тукмачёв (1948 – 1991), сын фронтовика, п. Суводи, (род. д. Тарасовы, Слободского района).

ПРЕДВОЕННОЕ УТРО

Ещё спокойно спит деревня
Последним предвоенным сном.
И шепчут сонные деревья
О чем-то близком и родном.
Чуть брезжит утро. Тихо-тихо,
Отцу приснился сенокос:
Стогов бесчисленных величье
И молодецкий посвист кос.
Ещё потом всё это будет:
Прощанье и военкомат,
Суровости военных буден,
Шинель, гранаты, автомат.
Всё будет: жаркий рукопашный,
Раненье, лютый лазарет...
И седина густая ляжет
В неполных двадцать восемь лет.

ОТЕЦ

Мне жизнь была порою немила.
Я думал: всё, не выдержу, конец.
Тогда альбом я, как спасенье брал,
А с фото на меня смотрел отец.
Отец, отец! Разведчик фронтовой!
Я вижу: среди стали и огня
Ты вновь идёшь под Курском в страшный бой,
Где от снарядов плавится броня.
Потом в тревожной жуткой тишине
Ползёшь к врагу, чтоб с «языком» вернуться.
На той жестокой, яростной войне,
Я знаю, ты не пасовал, не трусил.
И подтвердят медали, ордена,
Что должен я твоей судьбой гордиться,
И брать на плечи трудные дела,
А слабостей, как трусости, стыдиться.
Отец, отец! В веселье и в делах
Тебя мне постоянно не хватает.
Порою трудно мне, но жизнь твоя
Все беды превозмочь мне помогает.

Марина Кузнецова, правнучка участника Великой Отечественной войны, пгт. Мирный.

«О войне»

В год, когда я родилась, моему прадеду исполнилось бы семьдесят четыре года. Не так и много, он мог бы дожить до этих лет и пожить еще, чтобы я запомнила его пусть не таким молодым, каким он остался на единственной сохранившейся фотографии, но - живым. Запомнила бы, если бы в феврале 1945 года в Восточной Пруссии он не умер в госпитале от ран. Никто из его детей по непонятной причине не знал, когда он погиб и где похоронен. Про место его гибели я узнала не так давно из «Книги Памяти» Кировской области, сразу и навсегда запомнив эти короткие строчки: «Гвардии рядовой Стариков Антон Андреевич, 1903 г.р., сапер 93-го гв. осб (гвардейского отдельного саперного батальона), 10 февраля 1945 года умер от ран. Похоронен в Восточной Пруссии, п. Шенасор, брат. могила № 5». Наверное, он уже знал, что скоро будет Победа и мечтал вернуться домой, где его ждали жена и шесть детей. Мой дед был в семье вторым, ему исполнилось тринадцать, когда началась война. А младшую дочь прадед так и не смог никогда увидеть даже на фотографии - она родилась в тот день, когда он уходил на фронт. Моя прабабушка, проводив мужа на войну (до станции или сельсовета - не знаю), не успела дойти до дома и на обратной дороге в лесу родила дочь, полуживую, крохотную, появившуюся намного раньше срока. Каким чудом девочка выжила в войну в деревне без больниц и врачей - непонятно, зато понятно, почему ее называли Любовь - прабабушка своей любовью и верой в то, что он вернется, хранила мужа почти до конца войны. Половину своей жизни - сорок лет, прабабушка была вдовой. Она вырастила всех своих детей, увидела внуков и правнуков, умерла в восемьдесят лет и похоронена на сельском кладбище недалеко от Пищалья, за тысячи километров от могилы мужа, на которой не была ни она, ни их дети, ни внуки с правнуками. И почти семьдесят лет прадед ждет, что кто-нибудь из его потомков приедет к нему на могилу и привезет горсть земли с его заросшей лесом и травой родины.

Этого же - горсти земли с родины - ждут и братья обеих моих бабушек - Сметанин Николай Васильевич и Смирнов Петр Дмитриевич. Один - в Орловской области, другой - в Смоленской. Один погиб в феврале 1942 года, другой - в ноябре этого же года. Оба они ушли на войну в восемнадцать, погибли в девятнадцать, не оставив после себя ничего, кроме коротких записей в этой же «Книге Памяти» да двух фотографий. От Николая осталась еще и похоронка, буквы на которой размыты чьими-то слезами - то ли моего прадеда, то ли прабабушки, то ли моей еще молодой тогда бабушки. «Ваш сын, гвардии красноармеец 97-го гв. стрелкового полка Сметанин Николай Васильевич, уроженец Кировской области, Верхошижемского района, д. Скородумка в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 21.11.1942 в д. Запрудное Людиновского района Орловской области...». За семьдесят с лишним лет похоронка пожелтела и истерлась на сгибах. Теперь, после бабушкиной смерти, она хранится у меня, и я так же, как и она, часто достаю и перечитываю эти строчки. В них - не только оборванная жизнь ее юного брата, в них - искалеченные жизни прадеда, прабабушки и бабушки, которые не смогли увидеть своего сына и брата взрослым мужчиной и до конца своих дней жили с этим горем и болью. Боль

со временем притупилась, но совсем не ушла, да и не могла уйти, и в детстве я не понимала, почему, читая эту бумажку, бабушка всегда плакала. Это понимание приходит намного позже, уже во взрослой жизни. Становятся понятными стихи о войне, которые заставляли учить ко дню Победы, рассказы и повести из учебников, которые заставляли читать учителя. Все это чтение было навязанным, а оттого казалось неинтересным и ненужным, и все то, что я не читала или не дочитала о войне в школе, я прочитала намного позднее, когда у меня родились свои дети. Сейчас к постоянным страхам за них примешивается еще один страх - не дай Бог провожать детей на войну, ждать их и не дожидаться.

Дед моего свекра проводил на фронт шестерых сыновей, и только один из них - самый старший, отец свекра, был женат, а остальные не успели ни жениться, ни пожить, один за другим навсегда уходя на войну. Пять крестьянских парней, рожденных для мирной жизни, не повторили судьбы своих дедов и прадедов, не стали хозяйствовать на земле, не построили дома, не увидели своих сыновей - они погибли в разные годы в разных местах. Ни одной фотографии, ни одной похоронки. От них не осталось ничего, кроме имен, которые, едва начав говорить, выучил свекор: Миша, Гриша, Ваня, Вася, Петя. Все Кузнецовы, все Павловичи из несуществующей теперь деревни Павловская Вологодской области. Даже не зная, я так ясно представляю себе их - высоких, сильных, светлоглазых, молчаливых и стеснительных, нигде не бывавших дальше своей деревни и уходивших на войну, как на тяжелую работу - надо, значит, надо.

После того, как в дом пришла похоронка на третьего сына, дед Павел, которого из-за возраста уже не брали на войну, взял свое охотничье ружье и пошел стреляться. Не кричал страшно, как жена, не ждал сочувствий от родных и соседей - просто взял ружье и пошел, решив, что больше не имеет права жить. Кто увидел, кто остановил и спас его - неизвестно, но - спасли, чтобы он, продолжая жить, получил еще две похоронки и дождался все-таки возвращения последнего сына - старшего.

Отец моего свекра, Кузнецов Николай Павлович, до войны жил в Одессе. На мой вопрос - почему в Одессе - свекор ответить не мог. Может, остался после армии, может, уехал работать на один из заводов, но жил там с семьей, растил двоих детей и на войну ушел оттуда же. Его семья погибла в первые военные месяцы, а он, раненый уже под конец войны, познакомился в госпитале с потерявшей на фронте мужа нянечкой, которая стала его второй женой. Стала не сразу - после войны он, не веря в гибель семьи, еще делал попытки разыскать их. Только в декабре 1947 года, когда они вернулись к нему на родину в Павловскую, у них родился первенец - мой свекор, который стал спасением для своих родителей, деда и бабушки. В их дом после пяти похоронок вернулась жизнь.

Главные воспоминания детства свекра - это не то, как дед учил его крестьянской работе, какие рассказывал сказки и пел песни и не то, как они вместе ходили в лес и на рыбалку. Главные - это когда они вдвоем ходили в поле и с высокого холма смотрели на ведущую к деревне дорогу - не появится ли на ней кто-нибудь из пятерых погибших братьев. Часто смотрели на дорогу целый день - высокий седой дед Павел, так до конца и не поверивший в гибель сыновей и его маленький внук, ни разу не видевший ни одного своего дядьку. «Если никого не встречу, - учил внука дед, - то, когда меня не станет, ты не забывай сюда приходить. Пусть знают, что их помнят и ждут. Скажешь, что дед ходил, да не

дождался». «Дед, а как я их узнаю?» - волновался свекор. «Узнаешь», - обещал дед так, что верилось - обязательно узнает, дядьки же...

Сейчас свекру шестьдесят шесть, он сам давно уже дед, очень похожий, по его словам, на своего деда Павла. Но когда он рассказывает о своем детстве, то сразу же превращается в того маленького мальчика - доброго, искреннего, не знавшего войны, но рано научившегося понимать чужую боль. «Ходил потом?» - зачем-то спрашиваю я, хотя ответ понятен. Свекор кивает, отводит глаза и начинает торопливо искать сигареты. Ходил, стоял одиноко на холме, никому не рассказывая об этом. Ждал и, как дед Павел, не дождался...

...Однажды в какой-то передаче я случайно услышала рассуждения двух молодых людей о том, что Великая Отечественная война не имела смысла, и надо было сразу пойти с Гитлером на мировую, подписав акт о капитуляции. Хорошо одетые, сытые, ухоженные - они всерьез говорили о том, что Россия могла бы жить сейчас припеваючи, кругом были бы порядок и чистота, все ездили бы на немецких машинах и отдыхали за границей. А на вопрос ведущего «в ваших семьях кто-нибудь воевал?» только переглянулись и пожалы плечами.

Неужели сейчас еще можно задаваться вопросом о необходимости той войны? Что там было на самом деле между главными людьми государств, мы никогда, как обычно, не узнаем. Но ведь была война, был подвиг народа, и те, кто погибал на ней, не задавали никаких вопросов.

«Перестань, - посмотрев на меня, сказал муж, - это просто шоу. Им надо завести зрителей, добиться обсуждения своей передачи на какое-то время и поднять этот их рейтинг».

«Это просто шоу», - долго потом успокаивала я себя, вспоминая этих молодых людей, которым не нужно прошлое их семьи, их страны, их народа, которые не понимают, что своим рождением обязаны вовсе не Гитлеру. Они не смотрят фильмы о войне, не приносят цветы к обелискам в день Победы, да и великий праздник - день Победы - для них совсем не праздник. Им нужно только одно - чтобы никакая сила не смогла лишить их комфорта и удовольствий. Такие и акт о капитуляции подпишут, не задумываясь, только бы их оставили в покое в компьютерных креслах офисов, иномарках, ночных клубах. И сколько их в настоящей жизни, молодых и не очень, заботящихся только о своем благополучии и верящих в то, что фашисты смогли бы обеспечить им райскую жизнь - никто не знает.

Но ведь есть и другие - молодые парни и девчонки, мужчины и женщины, которые ПОМНЯТ. Помнят своих воевавших, вернувшихся и погибших дедов и прадедов. Создают «Бессмертные полки» и маршируют в день Победы по своим городам, неся в руках большие фото фронтовиков. Именно они ведут раскопки в местах сражений и восстанавливают по уцелевшим буквам в военных билетах и медальонам фамилии солдат. Они до сих пор, спустя семьдесят лет, занимаются их захоронениями. Они сидят на сайтах, помогая людям найти своих погибших или пропавших без вести родных. Именно один из таких молодых парней и помог недавно мне найти, где же все-таки в Восточной Пруссии похоронен мой прадед. Два года я искала этот Шенасор - и в Калининградской области, и в Литве, и в Польше, но такого поселка не было ни на одной карте. А он через полчаса после моего запроса ответил, что Шенасор - это вовсе не Шенасор, а Шенмор, сейчас п. Партизанское, и находится этот населенный пункт рядом с Калининградом. К его

ответу прилагалась и письменная запись из «Донесений о безвозвратных потерях», и даже не верилось, что на экране своего компьютера я читаю документ, написанный чернилами в феврале 1945 года - где, когда и отчего умер мой прадед, где похоронен. Слово «Шенмор» там действительно написано так, что его можно было прочитать и как Шенасор. Позднее прадеда перезахоронили в братскую могилу другого населенного пункта, и на этой могиле ни на одной мемориальной плите, к моему сожалению и недоумению, его фамилии нет. И написанное мною письмо в Министерство Обороны с просьбой увековечить память прадеда пока остается без ответа...

...У меня растут два мальчика, похожие и непохожие друг на друга, как многие из братьев. Я не умею правильно молиться и редко бываю в церкви, но каждый день прошу Бога о том, чтобы им никогда не пришлось уходить ни на одну из войн, а мне - провожать их, ждать возвращений и потихоньку сходить с ума. Младший еще слишком мал, чтобы судить о его характере, а про старшего я знаю - не пожалуется, не напишет о своих трудностях, на мои вопросы будет отвечать, что все хорошо, чтобы не заставлять волноваться. Мне трудно, почти невозможно представить себя провожающей на войну мужа, как когда-то провожала прадеда моя прабабушка. А еще - трудно ответить на вопрос дочери «что такое война». «Мам, - крикнула она мне из своей комнаты, делая задание по одному из предметов, - А как написать своими словами «что такое война»?

Я не знала, как своими словами написать слово война так, чтобы мое объяснение поместилось в две отведенные для этого тетрадные строчки. Война - это задетое самолюбие, жадность или подлость того, кто ее начинает. Это ужас, горе и слезы, потери, которые невозможно пережить. Это пять похоронок в одну семью, гибель девятнадцатилетних мальчиков и смерть накануне Победы отца, которого ждали дома шесть детей. «Напиши, - сказала я ждущей моего ответа дочери, - что война - это самое страшное зло, которое нигде и никогда не должно повториться...»

Шестерых сыновей дед Павел
На большую войну отправил.
Шестерым высоким и статным
Объяснил: «Что поделать, надо!»
И старуху свою успокоил:
Не у нас, мол, одних такое.
Ждал, считая дни и недели,
Что тревожнее все летели.
А войне – ни конца, ни края,
Треугольники писем читая,
За сынов, как умел, молился,
И, еще не поняв, удивился,
Он сначала бумажке тонкой,
В первый раз, получив похоронку.
Сколько раз они приходили!
Сколько раз его не щадили!
А живым потому остался,

Что не верить в это пытался.
И надеждою жил одной:
Обещали прийти домой!
И придут! И вернется каждый ...
А вернулся один. Старший.

«Детям войны»

Соберутся бабушки на праздник,
Говорливы, в новое одеты.
В день весенний, ласковый и ясный,
В день большой и главный - день Победы.

Простенькую выставят закуску,
«Красненькой» и «беленькой» немножко.
Ну, а чтобы не было им грустно,
Кто-то даже принесет гармошку.

Нет, они совсем не воевали
(Хоть мечтали, как отцы, сражаться)
А в колхозах за больших остались
В десять лет, в одиннадцать, в двенадцать.

Помощи не ждали от кого-то,
Не искали ничего полегче.
И не перечислить всей работы,
Что легла на маленькие плечи.

А когда соседки собирались,
Если выпадал вдруг отдых редкий,
Письма вслух отцовские читали
И писали им на фронт ответы.

Не вернулись, хоть и обещали
Детям, что придут. И женам - тоже.
Бабушки припомнят все печали,
И уже гармошка не поможет.

Не помогут пляски им и песни,
Что пропеты весело так были.
Плачут о далеком, о прошедшем
В день Победы бабушки седые...

«Проводы в Армию»

Из каждого окна вагона торчало по три головы, почти лысых, постриженных под ношение форменных ушанок и голубых беретов. Каждый из троих сквозь ночную тьму и неяркий свет привокзальных фонарей кого-то искал глазами в толпе провожающих и что-то кричал в мобильник - пока еще можно, пока еще не отобрали, пока еще до отъезда к месту службы оставались последние минуты. «Мам, - где-то совсем рядом вдруг прозвучал голос сына, и я поняла, что к уху мне поднесли телефон,- мам, не плачь! Все будет нормально!»

Конечно, все будет нормально. Просто я не увижу тебя целый год. Просто ты уезжаешь служить в десантные войска (вот и сбылась твоя детская мечта), и мне даже страшно подумать, какие трудности и испытания ждут тебя впереди.

Поезд тронулся. Сначала медленно - Господи, сколько вагонов, и в каждом окне торчат по трое мальчиков. Все что-то говорят, говорят, а за ними идут мамы, папы, бабушки, дедушки, сестры, братья, невесты... Идут сначала медленно, потом быстрее, потом почти бегом... И все. Поезд скрывается в ночи, поезд, в котором мой сын впервые так надолго уезжает от меня.

Господи, спаси и сохрани моего мальчика! Он ведь еще совсем маленький и глупый и не знает о жизни ничего из того, что уже знаю я. Помоги ему, Господи, ему так же тяжело, как и мне, я знаю. Пусть он никогда не расскажет об этом, считая себя большим и взрослым, но я-то знаю, как он сейчас смотрит на эту же ночь из окна вагона, как не сможет заснуть, думая о том же, о чем и я. А утром позвонит, и бодрым голосом, как ни в чем не бывало, прокричит в телефон: «В Москве, мам!»

Господи, спаси и сохрани! Господи, Господи... «Да что уж вы так-то убиваетесь, - вдруг тронула меня за плечо проходившая по почти опустевшему перрону женщина, и я поняла, что рыдаю, громко, во весь голос,- не на войну ведь провожаете. Уж год-то как-нибудь...»

Мне становится стыдно - ну что я в самом деле, не на войну же. А мои прабабушки провожали своих мальчиков на войну, таких вот молоденьких, перепуганных, обещавших выжить и вернуться. Сдерживали рыдания, гладили стриженные затылки и бежали за поездом, еще не зная, что никогда их больше не увидят ...

«Сейчас не война», - снова успокаиваю я себя. Да и служат только год, не два и не три, как раньше. Год - это ерунда, пролетит незаметно! Всего двенадцать месяцев! Двенадцать... Пятьдесят две недели, за которые сын не приедет ни на выходные, ни на праздники. Бесконечно длинные триста шестьдесят пять дней...

...За этот год будет много чего: Новый год, который мы впервые встречали без сына, звонок в мой день рождения из далекого Пскова. («Мам, я сказал, что у тебя день рождения, и сразу дали телефон, представляешь?!») Его первый прыжок из самолета, о котором мы узнали через несколько дней. («Прыгнул, мам! Почему не сказал? Зачем тебе зря волноваться?») Лагерь в зимнем лесу, растянувшийся на полтора месяца, и опять мои страхи - только бы не морозы, как он там с «буржуйкой» в палатке и по колено в снегу? Все его следующие прыжки, каждый из которых был суровым экзаменом на смелость и выносливость. Стрельбы, марш-броски, наряды, караулы. Его выступление в Псковском кремле с песней «Катюша». Его звонки, которые я ждала целый день, а вечером не могла наговориться, выпытывая все до мелочей...

Наверное, когда-нибудь год моего ожидания сына из армии постепенно начнет забываться, забудутся мои тревоги и страхи за него. Но эта декабрьская ночь, когда он уезжал в неизвестное, а я, рыдая, бежала за уходящим поездом и ничем не могла помочь - ни остановить сына, ни поехать с ним - эта ночь навсегда останется со мной.

Мне не надо открывать альбом с фотографиями, чтобы вспомнить, каким мой мальчик был в годик, когда только учился ходить. Я помню, как он обиженно смотрел на меня, когда я впервые оставляла его в детском саду. Помню, как в пять лет он учился кататься на велосипеде, как пошел в школу, как гордо принес со своей первой рыбалки крохотного карасика. Как смеялся над «Денискиными рассказами» Драгунского и плакал, жалея убитого буржуинами Мальчиша-Кибальчиша. А теперь ко всем этим воспоминаниям добавится еще одно - забритая под ношение форменной ушанки голова в окне поезда, увозившего его на службу...

Анастасия Лялина, пгт. Стрижи - Оричи

О войне

Сидит чинно на старом стуле,
Улыбаясь юно, с прищуром.
В сорок первом попал под пули,
Выжил раненый деда Юра.

Стали рано кудри седыми.
В глазах слезы, уста смеются:
- Мы тогда были молодыми,
Знали - русские не сдаются!

- Расскажи, что в войну бывало?
- После боя шлют похоронки...
Улыбнется, вздохнет устало,
Табакom задымит в сторонке.

- Что там крови рябые пятна...
Нам бы хлеба, да песен звонких.
В девятнадцать мысли солдата
О красавицах, о девчонках!

Свершилось! Кончена **резня**,
Как будто в сновидении
Жучков весёлая возня,
Крылатых песнопения.
И небо в нежно-голубом,
Атласном лёгком платье,
Объятая матери с отцом,

Тревожные объятья.
Их голос глух, наш дом стал нем
И вот он, запах милых стен,
Но тяжкий взгляд и горечь уст
Запомнили Победы вкус
Над небом вечно голубым
Той памяти проклятый дым.

Что случилось мальчишки с вами?
От каких таких черных дум
Вы оружие в руки взяли
и создали смертельный шум.
Грохот выстрелов, боль и стоны,
Оглушающий пули свист
Заменили вам перезвоны
Добрых душ белоснежных птиц.
Кто принес это зло в ладонях,
Подстрекая на гибель вас?
Тот слезы своей не уронит,
Подставляя вас в смертный час.
Наши предки сражались смело,
Чтоб скорей победить фашизм.
И откуда же взялся снова
Этот чертовый терроризм?
Мать роняет над сыном слезы,
Успокоить ее не смочь.
И опять вместо мира - грозы!
И опять вместо света - ночь!

Анатолий Мершиёв, сын фронтовика, пгт. Стрижи

«Последнее пожатье ветерана»

Важные дела в саду были закончены, и я рылся в старых вещах, которые неминуемо скапливаются не только в старых домах, но и в старых садах.

Все мы немножко Плюшкины. Блестит вещица, чем-то интересна, авось пригодится когда-нибудь. Складываем, складываем, до тех пор, пока не станет тесно от социальных накоплений и некуда станет класть, что-то более нужное. Начинаем сортировать, менее ценное выбрасывать. И всё это до следующего раза, когда окажется, что нужное вчера, сегодня совсем не нужно. Например, вот эти документы, паспорта на технику, которой уже давно нет.

Неожиданно взгляд зацепился за почтовую открытку устаревшего образца. Адрес знакомый. Присмотрелся. Боже ты мой! И сразу всё вспомнилось.

Я был тогда зелёным ещё щеглом. Мы с женой только поженились, а поскольку жилья собственного у нас не было, то снимали кухоньку у дяди Миши и тёти Мани. Помогли отыскать дешёвую жилплощадь родители, кажется мои. Дочка у нас только что родилась. Естественно, забот молодым хватало. Хозяева нам не докучали, и жизнь наша текла себе.

Но однажды, девятого мая, дядя Миша позвал меня к себе. Тётя Маша уже приготовила закуску и ушла в другую комнатку.

- Сегодня, Толя, мой день! День Победы! А поэтому давай выпьем с тобой за то, что я остался жив, и за то, что мы победили, и за тех, кто не пришёл с войны.

Больше он ничего не говорил, только наполнял рюмки и чокался со мной. Потом он отправился отдыхать, а я отправился по своим делам.

Был у дяди Миши сын, но они почему-то не очень дружили. Сын был женат, жил отдельно и заходил редко. Мне запомнилось, что он выписывал «Комсомольскую правду», которая ещё не была жёлтой газетой и писала правду. Я от него, от сына, потом пристрастился к «комсомолке».

После я выяснил, что дядя Миша был в плену. Подробностей не знаю и только со слов моего отца известно, что из плена дядя Миша бежал, убив кулаком часового.

Уже после этого, когда мы жили с женой совсем в другом городе, я посылая дяде Мише открытку ко Дню Победы, где написал своё стихотворение:

«Май 45-ого года»

Поезда пи эр квадратами
Мимо станции стучат.
Тепляки домой, с солдатами,
Из Германии спешат.

И руслановские «Валенки»,
И черёмуховый май,
И солдатик, на завалинке,
Пьёт, понятно же, не чай.

Ах, какое было солнышко,
И как зелен был лесок.
И какая воля, волюшка,
Через жизнь наискосок.

Потом наши пути с дядей Мишей разошлись. Они оба с бабой Маней померли, а я тогда жил уже далеко, за тысячу вёрст, Да и дела житейские, не очень-то располагающие к воспоминаниям, закрутили и завертели...

Но, оказывается, дядя Миша ответил на мою открытку! Только через тридцать лет мне довелось прочесть письмо ветерана:

- Давно я не плакал, Толя. Но от твоей открытки выступили слёзы. Всё было так! И какая воля, волюшка, через жизнь, наискосок! Спасибо, Анатолий! Жму руку!

Слёзы подступили к глазам. И у меня сердце не железное, оказывается. И грустно стало на душе. И, почему же я не ответил дяде Мише на это письмо?

«Я стою над Быстрицей рекой...»
Посвящается бабушкам, девчонкам сороковых.

Там, где мост на правом берегу,
Где в траве грустит седой булыжник,
Бабушка лежала на снегу
И стреляла, обронив свой «пыжик».

Хлопала зенитка за спиной
И свирепо жалили винтовки,
Здесь когда-то встретились с войной
Девочки, почти без подготовки.

Бабушка в свои семнадцать лет
Дедушку еще не повстречала,
Но за нас, за весь наш белый свет
Плакала и все-таки стреляла.

Не прошел фашистский самолет,
Испугался маленькой девчушки,
От ворот фашистам поворот
И от нашей дан был деревушки.

Я стою над Быстрицей рекой
И булыжник трогаю рукою...
Я хочу, чтоб внук мой был такой,
Как тогда девчушки над рекою.

«Отцовские медали»

Мой брат отцовские медали
Цеплял на тощенькую грудь,
Они на солнышке играли
На всю страну, не как-нибудь.

Отцу последний орден Славы
Вручал печальный военком,
Когда Чечни еще не знали,
Когда еще был полон дом.

Когда еще в стране Советов
Мы жили, Родину любя,
Не за рубли, не за конфеты...
За то, что русская земля.

И жили для своей отчизны...
И всех люблю поныне я!
Глядят с надгробий с укоризной

Отцов и дедов имена.

Леонид Бажин, сын фронтовика, посёлок Мирный.

«Несостоявшееся свидание»

Мой старший брат Петя родился в 1918 году. До войны он отслужил срочную службу на Дальнем Востоке в танковых войсках и должен был в июне 1941 года вернуться домой. Но началась война... и возвращение моего брата со службы не состоялось. В начале сентября к нам пришло письмо, в котором Петя сообщил, что их часть перебрасывают с Дальнего Востока на фронт, и что такого-то числа эшелон будет проезжать через станцию Шахунья, и, может быть, даже сделает остановку, и будет возможность повидаться. Получив это очень обрадовавшее нас сообщение, моя мама накануне напекла хлеба и приготовила другие гостинцы для своего так давно покинувшего родной кров сына. Мне тогда было уже пятнадцать лет, и я уговорила маму взять меня с собой.

Рано утром мы вместе с обозом, доставляющим в Шахунью на элеватор зерно нового урожая, поехали на свидание. Ради такого случая председатель колхоза разрешил бригадиру посадить нас на одну из телег. Жили мы тогда в деревне Малиновские в 12 километрах от районного центра Шаранга, а до Шахуньи ехать было километров семьдесят. Прибыли мы на станцию после полудня и стали ждать. Но поезд проходил за поездом, эшелон за эшелонами, были тут и пассажирские поезда, и военные составы с техникой и солдатами. Выходили мы встречать каждый прибывающий с востока поезд, каждый эшелон. Некоторые из них делали остановки, и тогда мама подходила поговорить с солдатами, чтобы узнать, откуда они едут и не знают ли они её сына Петю. Так закончился день, прошла ночь, потом ещё день, а вечером мы с возвращающимся обратно обозом поехали в родную деревню. Всю дорогу я проплакала, а мама молчала. Но какая тяжесть была у неё на сердце, даже страшно себе представить: ведь так и не увидела она своего старшего сына, отправлявшегося на жестокую кровавую войну.

Вскоре, уже с фронта, пришло от Пети письмо, в котором он сообщил, что их эшелон направили другим путём, поэтому свидание с нами не состоялось. В своих письмах с фронта Петя, обращаясь ко мне, писал: «Васса, помогай родителям, ты сейчас в семье осталась за старшую. Вот закончится война, обязательно отправлю тебя учиться».

Послесловие. Эту историю о несостоявшемся свидании рассказала мне моя мама Бажина Васса Митрофановна. Её брат и мой дядя Мокеров Пётр Митрофанович погиб 5 апреля 1945 года под Берлином.

Мой отец не любил говорить о войне,
Называл ее просто тяжелой работой,
Только часто стонал и метался во сне,
И виски становились сырыми от пота.

В День Победы он только носил ордена
И неброскую с виду медаль «За отвагу»,
За погибших друзей выпивал он до дна
Фронтовые сто грамм обжигающей влаги.

В сорок первом году он попал на войну
Лейтенантские сдав краткосрочные курсы,
Безвозвратных потерь всю познал глубину
И в боях за Москву, и под огненным Курском.

Артобстрелы, бомбежки, дожди и снега,
Медсанбатов горячечных белые стены...
Вновь стремился на фронт – бить нещадно врага,
И Победу он встретил под городом Вена.

Мне давал он наказ: «Жизнь порой не проста,
Но всегда и во всем Человеком быть надо,
Чтоб себе мог сказать – моя совесть чиста,
Чтоб к вершинам идти, не смотря на преграды».

Нет давно уж отца, но живут и во мне
Все стремленья его, все дела и заботы...
Мой отец не любил говорить о войне,
Называл ее просто тяжелой работой.

А война то рядом, **под** боком,
Вот уже в огне Украина...
Все мы ходим в жизни под Богом,
Где нас ждут снаряды и мины?

И опять фашистская нечисть
Сеет ненависть и раздоры,
Льёт Европа лживые речи,
Не желая видеть укоры,

Той войны мировой, кровавой,
И Страны нашей ратный подвиг...
Неужели так память ржава?
Неужели мысли так подлы?

Но наступит миг просветленья,
Ничего нет сильнее Правды!
Только в Духе наше спасенье,
В День Победы мы ждём Парада!

Анатолий Машкин, внук фронтовика, пгт. Стрижи – г. Киров

Костя

(К 95-летию со дня рождения

Ладыгина Константина Константиновича)

В посёлке Стрижи его знали все, от мала до - велика, и звали его просто - Костя.

Всегда добродушный, улыбчивый, он приветливо здоровался с каждым. Немножко тучный, хромал на одну ногу. Работал он заведующим заводским клубом. Здесь Костя был на своём месте. Любил украшать само здание и внутренние интерьеры, из-за чего этот рядовой клуб, каких было немало по всей стране, мало чем отличался от более именитых Домов культуры. Небольшой коллектив клубных работников под его командованием работал слаженно и с полной отдачей.

Константин Константинович Ладыгин организовывал и проводил праздничные мероприятия, а в новогодние праздники был бессменным и непревзойдённым Дедом Морозом! В минуты дружеского застолья он любил рассказывать, как снимался в одном художественном фильме, когда проживал в Ленинграде. Что это был за фильм, никто не знал. Однако это производило неизгладимое впечатление на присутствующих и вызывало уважение к такой фигуре. Было совершенно непонятно, как он мог отказаться от такой блестящей карьеры в кинематографе, ради работы в простом провинциальном клубе? По его осанке, по поведению, было видно, что это действительно культурный человек. Никто не задумывался и не расспрашивал его, каким образом он очутился в этом далёком от столичных городов населённом пункте, но так как в послевоенное время посёлок активно строился, то неудивительно, что большинство людей также были приезжими.

В те годы клубная работа находилась на подъёме. Костя умел предугадать в некоторых молодых людях творческую натуру и всячески поддерживал их начинания в этом направлении. На стрижевских подмостках начала свои первые выступления певица Любовь Бажина, впоследствии заслуженная артистка России. Ученики поселковой школы после уроков занимались в различных кружках по интересам. Проводились ежедневные репетиции первого в районе духового оркестра, а также известного в области эстрадного ансамбля. Ставились спектакли. С утра до вечера показывались художественные фильмы. Устраивались различные мероприятия. Все праздничные концерты готовились своими силами. Перед концертом народу в зале набивалось битком, как говорится, яблоку некуда было упасть. Ждали выхода неизменного конферансье – Костю... и он не заставлял себя долго ждать! В точно назначенное время, в отличном костюме, с неизменной бабочкой, как подобает хорошему артисту, с широкой улыбкой на лице он появлялся на сцене из-за бархатного занавеса. Любящим взглядом окидывал зал, как бы обнимая всех, разводил в стороны руки и, хорошо поставленным голосом, произносил: "Добрый вечер, дорогие друзья! Добрый вам вечер. Начинаем наш концерт, посвящённый ..."

Обычно последние его слова тонули в овациях. Он был на своём месте, в своём амплуа, не больше, не меньше.

В то время в посёлке было много фронтовиков, на праздники они приходили с наградами. Многие восхищались их выступлениями о военных подвигах. Что же думали люди о Косте? Наверное, отсиделся где-нибудь в тылу, вот в таком же клубе. Никогда о своём участии в войне он никому и ничего не рассказывал, да и наград у него никто не видел. Какой из него, инвалида, солдат?

Прошли десятки лет. Нет уже и клуба в посёлке, и даже хорошо, что не дожил до этого Костя. Не увидел развалин того, что когда-то было его вторым домом...

Однажды при сборе документов для 19-го тома областной Книги Памяти, мне в руки попали архивные бумаги, в частности, наградной лист, в котором было написано:

«Ладыгин Константин Константинович. Звание – лейтенант. Должность – командир отдельного лыжного отряда 43-й стрелковой дивизии, начальник физической подготовки 382-го запасного стрелкового полка. Представляется к ордену «Отечественной войны II степени». Год рождения – 1917. Национальность – русский. Партийность – беспартийный. Призван в Красную Армию – с 5 июля 1941 года Ленинградским горвоенкоматом. Ранен легко 18 сентября 1941 года. Ранен тяжело 21 февраля 1942 года.

В результате личной беседы и изучения личного дела товарища Ладыгина установлено, что он в звании лейтенанта, в должности командира отдельного лыжного отряда 43-й стрелковой дивизии, 55-й Армии Ленинградского фронта, участвовал в боях с декабря 1941 года, по февраль 1942 года.

Отдельный лыжный отряд наступал в стыке 147-го стрелкового полка 43-й стрелковой дивизии и 329-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии на село Красный Бор Ленинградской области, с задачей овладеть селом. Дополнительно товарищу Ладыгину была поставлена задача организовать поиск боем и доставить контрольного пленного. В результате поиска было взято в плен 17 солдат и 1 унтер-офицер. Товарищ Ладыгин лично в рукопашной схватке уничтожил 4 немцев, за что командиром 55-й Армии объявлена была ему благодарность.

В звании лейтенанта, в должности начальника штаба отдельного батальона автоматчиков 8-й Армии, являясь одним из лучших физкультурников города Ленинграда, его батальону было приказано прикрыть отход главных сил на Красное Село, сдерживая превосходящие силы противника. В бою выбыл из строя командир батальона, и Ладыгин, взяв на себя командование, продолжал бой в течение шести дней. Было уничтожено более 50 танков и 400 немецких солдат и офицеров. Лично тов. Ладыгин уничтожил 8 немцев и 2 танка.

Боевые подвиги батальона были отмечены в газете Военного Совета Ленинградского фронта в октябре 1941 года.

Товарищ Ладыгин в боях за Советскую родину получил одно тяжёлое и одно лёгкое ранение. Последствия ранения – одна нога стала короче на три сантиметра.

Достоин награждения орденом «Отечественная война II степени».

Подписал: командир 382-го запасного стрелкового полка полковник Долматов.

Заключение Военного Совета фронта:

достоин награждения орденом (слово орден – зачёркнуто А.М.) медалью «За отвагу».

Из истории мы знаем, что осенью 1941 года фашисты рвались к Ленинграду, стремясь быстрее и любой ценой окружить город, блокировать все подступы к нему. Немецкие танковые части и пехота, выполняя приказ Гитлера, непрерывно атаковали наши войска. Одним из главных направлений их механизированного удара было Красное Село. Не выдерживая этого натиска, наши дивизии отходили. Наше высокое начальство оставило на прикрытии этого направления на Ленинград молодого офицера. Лейтенант Ладыгин, командуя всего лишь батальоном автоматчиков, в течение недели(!) сдерживал наступление немцев, прикрывая это направление, дав возможность передислоцироваться нашим войскам, подтянуть резервы. За это время его батальон вывел из строя более пятидесяти танков и четырёхсот солдат противника. В этих боях Ладыгин лично подбил два танка и уничтожил восемь фашистов. Получил тяжёлое ранение и выбыл в госпиталь.

За такой подвиг Константин Ладыгин, безусловно, заслуживал звания Героя Советского Союза. Но в то непростое время было не до высоких наград. Поэтому он был представлен лишь к медали «За отвагу». Получил он её или нет - неизвестно, так как никто и никогда не видел у него никаких наград.

Дорогой ты наш человек, Костя, вернее Герой Великой Отечественной войны, фронтовик, Великий Человек - Константин Константинович!

Прости нас неразумных!

2012 г.

Александр Докучаев, внук фронтовиков, с. Коршик – г. Киров

«В гостях у мамы»

(рассказ)

Всегда, когда я приезжаю, мама угощает меня так же, как в детстве. Она поставила передо мной кружку топлёного молока, перевернула шипевший на сковородке блин. Посреди стола на жёлтом блюдечке красовались политые льняным маслом солёные рыжики... И хоть коротает она свои пенсионные деньки в так называемой «благоустроенной квартирёнке» на третьем этаже и давно нет русской печки, вокруг которой, как вокруг солнца, вращалось всё в русской избе, но мама несёт в себе уклад деревенского дома, освещая и оживляя собой уголки новой обители.

– Отец вставал рано – говорит она, – часа в четыре утра. «Чего так? – спрашивала я. Отвечает: «А я сплю бегом...» Он растапливал печь, наводил еду скотине, прибирался в дровянике, а потом уж будил меня.

– Как вы познакомились? – допытываюсь я.

Мама отёрла фартуком вспотевший лоб, призадумалась.

– Деревня Докучаи от Родыг в четырёх километрах была. И фамилии у нас такие же. У Игоря – Докучаев, моя девичья – Родыгина. Между ними – Филинцы. И помнится, мы в эти Филинцы фотографироваться ходили. Туда в то же время за дровами три парня приехали. Запомнился мне один из них: маленький, черноволосый, фуражка – козырьком сзади. И он меня заметил: «Ой, какая молоденькая девчущечка!» Вдругорядь, шла я к сестре в Ардаши. Вот на дороге и ещё раз встретилась, пристал ко мне, познакомились поближе.

Мама выключила газовую конфорку и улыбнулась.

– И у Марины знакомство с Ринатом тоже в дороге случилось. Ехала в поезде, а он из армии возвращался. (Марина – это моя сестра, младшенькая. Единственная дочка у мамы и как шутил отец: «Маринка, – одна на всю Каринку!») А потом нас, молодёжь, собрали и отправили на лесоразработки в Верхнекамский район. Тогда ведь больно не церемонились. Мне 17 было, Игорю – 20. Вот в его день рождения 10 ноября и поехали мы. Зима, стужа. Мужики деревья валят, а мы ветки обрубаем – готовим лес к сплаву. Так тяжело было, что мы с подругой решили убежать. Без документов, без денег. В феврале в самые лютые морозы и убежали. Дошли до какой-то деревни. Постучались, ооченевшие, в крайнюю избу. Оглядел нас дедушка, поохал и в подполье спрятал. Приходили за нами люди, искали, а дед говорит: не знаю, не видел. Спасибо, Царство ему Небесное!.. И на станции мы долго прятались – не знали, как на поезд пробраться. Но мир не без добрых людей. Солдатик один пожалел нас, купил билеты за 40 рублей, посадил. Едем, а на нашей станции остановки нет – прыгали в снег прямо с поезда на ходу. Ноги у меня заплелись, еле-еле до родных мест дошла. Жила, пряталась. А потом Игорь вернулся, свататься стал. Мне 18-й шёл. Мама моя – Евдокия Меркурьевна – и посоветовала идти за него, чтоб не бегать от людей. Я знала: была у него девчонка. Потом часто Игорю поминала: «Если бы не лес, то не вышла бы за тебя!» (Тут она глубоко вздохнула.) Мама – бабушка ваша – жила с нами до 70-го года. Над всеми вами выводилась. Пензия у неё была – 7 рублей, потому что ушла с колхозной работы по болезни. А как всё случилось-то... Караулила колхозное стадо. Набегалась. Прилегла да заснула. Ехал председатель на тарантасе. Давай материть-ругать! Такая-растакая! Оштрафуем! В тюрьму посадим!.. Выгоняла мамушка коров из озимых, перенатужилась, да и оставила своё здоровье на этом поле...

Мама перекрестилась на иконы, висевшие в углу на кухне, поправила вербные веточки, стоящие здесь с праздника Пасхи. Иисус, Божья Мать, Николай Чудотворец и Серафим Саровский понимающе поглядывали на меня. В солнечном луче искрилась золотая пыль. Мы вернулись к разговору о свадьбе.

– В селе Каринка нас расписали. Заняли денег, купили бутылку кумышки. Поплясали. Из подарков помню сапоги резиновые, Игорю. Жили у мамы в Ходырях на конце, внизу у реки.

Я вспомнил эту речку Каменку – шумную, но не глубокую. Камушки сквозь воду видать – серые, чёрные, белые. Идёшь босиком, а вода холодная – брр! Иногда можно исхитриться и поймать в ладони шустрого усача. Речка огибала деревеньку, а на другой стороне поднимался по угору высокий, таинственный, страшный для детского сознания лес.

– Стали мы жить. Мама корову продала, купили мы дом в Посадских. Говорят, я худая была, когда с тобой ходила. Родился ты в комнате приезжих в Ардашах. Схватки начались – тяжело мне. Я живот сожму, наклонюсь, легче становится. Акушерка ворчит: задушишь ребёнка! В полдень Игорь из кузницы на обед пришёл (он тогда молотобойцем работал), услышал, как я кричу и есть не стал. Очень мне хотелось, чтобы девочка была. Чтоб в армию не провожать. Маша – сестра моя – даже платье заранее нашла. Как сейчас помню: белые рубашки, чёрные нитки. Когда мне тебя показали, я думаю: что за ребёнок – руки-ноги длинные! Да и правда – одна нога у тебя в младенчестве какой-то скрюченной была. Потом всё исправилось. Пелёнок не имелось, у отца рукава от рубахи отрежем и заворачиваем тебя. А ты руки вытащишь – хлоп! И опять тебя

заворачивай. Ревучий был! Ничё не можем сделать. Иной раз за мной на работу придут: «Идите домой, там у вас сын скоро заревётся!»

За окном проехал автомобиль, в котором шумно бухали стереоколонки. Я видел качающиеся верхушки берёз за дорогой. Эту берёзовую рощу мы – школьники – садили сами давным-давно. Мама присела за краешек стола, придвинула мне тарелку с блинами.

– А как меня крестили? – прервал я молчание.

– Крестили в Березнике. В 53-м там открыли церковь. Мама всё настаивала, бабушка твоя. Три месяца, кажись, тебе было.

Я подумал о крёске Палагии (так мы все её называем), которая нас – четырёх братьев её крестников провожала в армию. Это была разбитная, весёлая женщина. Сейчас она совсем сдала. Зимой живёт у дочери в районном центре, а летом, по её словам, «охраняет» дачный домик. Помнил я и крёстного Сашку (Костылева), полноватого мужчину с красным лицом, который давно где-то сгинул.

Я спросил маму об её родителях. Было стыдно, что я почти ничего не знал о своих предках. Знал только, что оба деда погибли в Великую Отечественную.

– Отца моего звали Василий Терентьевич, работал он в колхозе кузнецом, а дедушка мой Терентий Сергеевич был конюхом. Помню, как отца на войну провожали. Это было летом, он попал в первый набор, мне тогда 7 лет было. Мать голосом ревёт. Отец гладит меня по головке, я у колен стою. До сих пор эта картина передо мной как живая, но лица папиного я не помню. Крёстный мой Филипп (они вместе отправлялись) подарил мне спичечную коробочку, в которой лежали копеечки. Всю дорогу пока их провожали, несла коробочку с собой. Семеро родных погибло с маминой стороны в войну. До сих пор не люблю я праздник 9 мая. Реву в этот день.

Мама принесла из шкафа красную большую «Книгу воинской славы», изданную к очередному юбилею Победы, и я нашёл своего деда: «Родыгин Василий Терентьевич, родился 13 января 1908, д. Родыги Вожгальского района. Призван Вожгальским РВК, красноармеец, пропал без вести в ноябре 1941 года».

Мама:

– Зашел к нам как-то земляк-инвалид, которого с фронта комиссовали, и рассказал об отце, вместе они служили. Обедали, будто. Налетел враг. Бомба рядом взорвалась. Я очнулся, вижу: Вася на земле лежит, брюхо распоротое, и он кишки пытается обратно собрать.

Мама вытерла набежавшие слёзы, и я вспомнил, как папа, рассказывая эту же историю, начинал заикаться и у него слезились глаза. Тихо тикали электронные часы на стене. И я подумал: как было ей нелегко провожать год за годом четверых сыновей и ждать их из армии. А служили мы – я (под Ленинградом), Сергей (на Амуре во флоте), Лёня (на Чукотке), Вова (на дальнем Востоке) – в эпоху резкого противостояния двух систем: тут и война во Вьетнаме и вечный конфликт на Ближнем Востоке.

– У Игоря так же всё было. Отца призвали в первый год войны. Он ещё как-то смог с фронта через знакомых послать денег с наказом: купите Игорю гармошку. А чего?.. Голодный год. Какая уж гармошка! Проели эти деньги. Потом Игорь попрекал родню: «Отец меня благословил на гармошку, а вы деньги проели!» Военные годы отпрыгнулись ему язвой желудка. Ели и гнилую картошку, ели траву, долго вспоминал он лепёшки из лебеды. Потом была и гармошка, и на праздниках и гуляньях он играл. Его любимая частушка была такая:

Заиграли весело –
Черёмуха упала.
Набежало девок много,
Ощипали ягоды.

И свекровушка моя – мать вашего отца – недолго прожила. Звали её Мария Павловна (в девичестве Мохова). Попростыла в войну, долго болела, кашляла; вылез у неё туберкулёз. Году в 46-м она и умерла. А семья большая осталась. Посчитай. Первая сестра Зина в Архангельскую область подалась, когда послабление было и колхозниками дали пачпорта. Вторая сестра – Аня – в Белоруссии. Третья – Саня – рано умерла от тифа. Четвёртым шёл Игорь. Пятая – Люба – с 34-го года тоже на север уехала. Младший – Борис – с 39 года. Из всех одна Аня жива, недавно из Гомеля письмо пришло. Жалуется: ничего уж не видит, всё болеет, а сын – пьёт горькую.

На улице потемнело. На стёкла стал накрапывать дождь. Где-то далеко гроыхнуло. Мама закрыла форточку и выключила электрический самовар.

– Сейчас чаю попьем с малиновым вареньем.

– Мам, а как отец печником стал? Он: то в лесу, то на кузне.

– Эту работу ему предсказали. Как-то шёл мужичок через деревню и говорит отцу: «Пойдём-ко, паренёк, русскую печь сложим!» – «Я не умею». – «Как это не умеешь? Ты же – печник!» А потом старушка Саня Симонова взяла его в помощники. «Пойдём, - говорит, Игорь, печи поположим, а то мне одной трудно». А у него память хорошая, вот от старушки и научился. Стали звать-приглашать. 200 рублей тогда стоило русскую печку сложить. Бывало, за сутки складывал.

И я вспомнил, как школьником во время летних каникул помогал отцу по работе. Печи складывали разные: и столбушки, и голландки, и большие русские. Моё дело было: старую печь разобрать (отец не очень-то пыль и копоть любил), кирпичи от старого раствора очесать-очистить, нужный раствор замесить, нового кирпича наносить. И я не очень-то вникал в премудрости печного искусства. Дело сделаю и песни пою, что-то головой своей выдумываю. А такие слова как «под», «чело» до сих пор звучат для меня загадочно. Самое любимое для меня было – это кладка трубы. Мы уже на крыше, близко к облакам. Всё и всех видно – красота! Конец – делу венец.

– А почему папа заикался? – спрашиваю я.

– Он так про это рассказывал. Играли они, мальчишки, под сросшимися черёмухами на куче песка. Откуда ни возьмись – пьяный мужик. Шуганул ребят, те разбежались, а Игорь остался. Пьяный взял его за ноги, перевернул вниз головой и несколько раз тряхнул. (Мама вздохнула.) Надо было сразу помирять.

«Помирять» – это сходить к бабке, которая почитает над испуганным ребёнком молитвы и заговоры разные, вымеряет страх на кудельную нить да покружит над горящей лучиной.

– В последние годы он перестал заикаться – вспомнила мама. Когда прощались в больнице после операции, он сказал: «Ну, Люба, с Богом!» А до этого говорил: «Будешь меня вспоминать...» Вот и вспоминаю.

Я вышел на остеклённый балкон. За окнами бушевала июньская гроза, низко кланялись до земли кусты сирени и акации, стена дождя закрыла село, сверкало и гремело так, что сотрясались стены. Нахлынули слёзы, и я не мог их сдержать...

«Четыре буханки чёрного хлеба»

(из рассказов мамы)

Это после хрущёвской денежной реформы было.

Мы тогда в деревне жили. Собираюсь в магазин за хлебом, а денег – ни копейки. Вы с братом Серёжей, ещё в школу не ходили, за мной бежите, кричите:

– Мам, нам первым дай буханку. Корочку покусать.

– Дома сидите. Принесу – дам.

Отстали. А всего вас у меня уже пятеро.

Пришла в магазин и ни одного знакомого, не у кого занять. Две секции хлеба продали, и я две очереди отстояла – в конец третьей становлюсь. Никого из родни не вижу, а у иных и просить-то стыдно. Сами так же живут – с копейки на копейку перебиваются. Слезы на глаза наворачиваются. Увидел меня Федя Титов – конюх совхозный.

– Чо, Любушка, плачешь?

– Да вот хлеба надо, а денег нет.

– Ну, дак пойдём к нам, Клава дома должна быть. Найдутся деньги.

Жили они у бани. Клава в избе пол моет.

– Клава, выйди. Любушка к нам в гости пришла.

Выходит Клава, здоровая, крепкая, с тряпкой в руках.

– Что стряслось?

Я молчу, ничего сказать не могу, слёзы душат.

– Не видишь – ревёт баба. Хлеба купить не на что. Дай-ка ей денег.

У меня вдруг голос прорезался:

– Я верну. Игорь печку сложит, и верну.

Отец ваш печником на стройке был. В совхозе, бывало, пять рублей за целый месяц ему начислят; он выругается, плюнет, сядет на велосипед и – в дальнюю деревню. Там печь собьёт, приедет пьяный, но всегда с деньгами.

Клава из избы возвращается, в руках красная десятка.

– Мало, – говорит Федя, – Неси большую.

Я опять молчу, глаза опустила. Я и десятке рада.

Клава не спеша принесла сиреневую бумажку – 25 рублей, отдаёт мне. Я её взяла, в ладони сжала, иду и реву, сама не знаю почему – то ли от жалости, то ли от радости.

Пришла в магазин, а там последнюю секцию разгружают. Очередь подошла, я кулак разжала, а денежка-то вся сырая, скомканная. Павла Тимофеевна, продавец, спрашивает:

– Откуда такая мятая? На паперти что ли стояла?

Молчу, слёзы сдерживаю.

Несу домой четыре буханки. Вы меня в окошко увидели, выбежали встречать. Дала вам буханку. Вы с голодухи-то всю её и обкусали...

С тех пор, как в церковь захожу, поминаю дядю Федю, свечку ставлю. Царство ему небесное!

«Стакан молока»

(рассказ)

Лёшка сидел у мамы на работе и рисовал цветными карандашами Бородинскую битву. До конца рабочего дня оставалось полчаса, все тихо занимались своими делами.

Дверь сельсовета осторожно приоткрылась и в неё заглянула сморщенная старушка. Седые прядки. Подслеповатые глаза. Дрожащая нижняя губа.

Секретарь – молодая девушка – и кассир – Лешкина мама – заинтересованно переглянулись. Председатель оторвал озабоченное лицо от бумаг:

– А?

– Здравствуйёшь.

– Здорово.

– Туды ли зашла-то? Ведь бестолковая я!

– Ну что уж вы? Проходите.

– Дык сельсовет ли это?

– Да. Вам чего?

– Мне бы письмо написать...

– Какое письмо?

– Болею я.

– А что у вас?

– Забой!

– Чего-чего?

– Избили меня. На покосе.

– Кто?

– Дружинины. Муж и жена. Граблям и вилам били... Ни зубов, ни памяти.

Старушка открыла председателю беззубый рот. Секретарь – молодая девушка –

прыснула от смеха. Мама попросила Лёшку собрать карандаши.

– Потихе там... – устало произнёс председатель и показал старушке на стул.

– Садитесь. Рассказывайте всё, как было.

– Дык я ить рассказала ужо.

– А надо обстоятельно, для бумаги.

Председатель обмакнул перо в чернильницу.

Старушка присела, вытерла концом платка как будто закопченный лоб и горестно вздохнула:

– Корову-то кормить надоть. Всю зиму ишшо. Куды ж без молока-то? Внуки исть-пить просят. А их ужо у меня пятеро. Сам-от – Иван-от мой – шоферит, а хозяйка – Авдотья – на свинарнике челоу уповод, к вечеру еле ноги волочит...

– Ты ближе к делу, бабушка.

– Пошли мы, значит, с младшей внукой в Кулибинской лог. Пять вёрст по жаре тарацились (шеперились). Я ишшо грабли несла. Пока добирались – бутылку квасу выпили. В горле пересохло. Думаем, в логу у ручья водицы наберём...

– О деле! – повысил голос председатель.

– Пришли мы в лог-от. Намедни тамот-ка Иван с Авдотьей литовками окосили траву-то вокруг болотины. Надо сенцо поворошить, да просушить. Глядим, а ужо тама копёшечки стоят – прям зелёные ишшо. Сам-от Дружинин лошадьёу заправляет, баба его – Агриппина – на вилы наше сенцо-то кладёт, да на

волокуши кидает, а сноха ейная граблям остатки загребаёт. «Чё вы деите? Бога на вас нет!» – говорю. «Проваливай, старая!» – зычит Дружинин и глазами сверкает. «Дык ведь это наш покос-от. Нам – Халявиным – его выделили.» Дружинин-то, глаза бесстыжие, орёт: «Ничего не знаю. Покос наш. Мы тут каждое лето косим. Ложок-от энот Кулибинский.» Душенька моя не вытерпела, это чё деечча?! Давай у них сено с волокуши теребить да отбрасывать, а кака во мне силушка? Дружинин глаза-то вытарашил, схватил граблище да мне по черепене-то и шарахнул. А башка-то у меня и так болит аж неделями. Тут ишло его Акулина подоспела, да черенком добавила, огрела по спине. Упала я. Внука моя голосом ревёт. Сама вся дрожу. В груди будто кол стоит. А они давай пинать меня. «Уходи, – верещат, – подобру-поздорову!» Еле мы с внучкой ноги унесли. Идём назад, слезьми утираемся. Лико, чё творят! Неужто на таких злыдней управы нет?

Старушка плакала, утирая концом старого плата свои глаза.

Девушка-секретарь не знала куда деться – ей было стыдно за свой смех, которым она встретила посетительницу. Лёшкина мама укоризненно качала головой и охала. Лёшка скручивал тетрадный листок, на котором так и осталась недорисованной Бородинская битва.

– Иван-от ездил к имям, – шмыгая носом, проговорила старушка, – драчка хотел, а Дружинин, полозина, бает: «Не было ничё! Старухе помлилось от жары. А нас, говорит, в Кулибинском логу отродясь не было. У нас в другом месте покосиво.» И перекрестился, некошной! Иван-от и засумлевался, домой воротился. Как только таких людей земля носит?..

Лешка шёл домой, держась за мамину руку. Ему было радостно. Он шёл и подпрыгивал, потому что в магазине мама купила большую буханку белого хлеба, испечённую на колхозной пекарне. Чудесный это был хлеб – мягкий, ноздреватый, таял прямо во рту. Лешка любил его есть, запивая молоком. Целую трёхлитровую банку покупали они у соседки тёти Тони.

Ломоть белого хлеба и стакан молока – самый вкусный праздник послевоенного деревенского детства.

Нина Корчак, дочь фронтовика, **пгт. Оричи** - г. Киров

«Лестница для Егорушки»

Вятская самобытная глубинка!.. Деревень подобных по Великой России – не сосчитать. И всё-таки эта – особенная. Возможно, потому, что сердцем прикоснулась, пусть и в четвёртом поколении.

Лучинята – такое поэтическое имя получила деревенька. Нет, не от лучины название пошло, а как говаривали старожилы – «от солнышка, от лучей», которые освещают деревню весь день, особенно летом. Высоко над рекой выстроились дома наших предков, окнами к реке. Дома стоят в один ряд. Было их в Лучинятах ровно семь. Местные сказали бы непременно – «У Лучинят».

Жили в семи домах семьи большие – в каждой росли дети: у кого пятеро, у кого семеро, а кто и девятерых воспитывал. Все жители носили одну фамилию – Лучинины, гордились ею, а ещё гордились тем, что они «бережане», что значит живущие на берегу реки. А бережане в этих краях считались бойкими и ловкими, а раз к реке ближе, то и запасливыми были рыбой да лесом, богатыми сенокосами на разливных лугах за рекой, сытым скотом.

Пятистенный дом Луки Артемьевича и Марфы Ильиничны обращает на себя внимание и сейчас, спустя сто десять лет. Умели строить на Вятке на века.

Марфа Ильинична, дочь лекаря Ильи, жившего в десятке километров от Лучинят в лесной деревеньке, была статной да ладной, к делу приученной. Отца Марфы – Илью люди уважали. Никому лекарь не отказывал, лечил травами и молитвами, говорят: «помогало». Муженёк Марфе достался нрава крутого, необузданного. Бил нещадно. За что? За всё: за красоту и статью, за руки золотые, за шестерых детей, да мало ли что в голову придёт хозяину. Нет, не пил Лука огненных напитков, табачного духа не выносил, а рукоприкладствовал так, что бывала спина Марфы в кровоподтёках таких, что рубашку нательную в бане отмачивала, чтобы снять. Но молчала, терпела, считала: раз замуж вышла, обратной дороги нет.

Родила Марфа шестерых детей: Фёдора, Марью, Филиппа, Алексея, Николая и Егора – Егорушку, любимого, младшенького. Сыновья росли крепкие да умные. В честь рождения каждого сына сажала Марфа дубки втайне от мужа за рекой в лугах, где сажены брала, никто не знает. В этих краях не так часто можно встретить это благородное, сильное дерево. Росли четыре дубка дружно, радовали Марфу, как радовали и сыновья. Пятый саженец не приживался, сажала ещё и ещё, всё тщетно. Закручинилась Марфа, почуяв материнским сердцем недоброе. Но дела и заботы заставили отбросить дурные мысли. Строили новый дом – пятистенок.

Здоровье Луки Артемьевича пошатнулось, пожалуй, оттого что жил в ненависти к новой власти. Была эта ненависть так велика, что однажды, не сказав никому ни слова, ушёл пешком в Вятку, это больше полусотни километров лугами, чтобы выразить своё несогласие. И выразил. Слушая агитатора за Советскую власть, не выдержал, сдёрнул одним движением с трибуны и бежать..., не догнали конные стражи порядка. Добрался Лука до дома, закрылся в горнице недостроенной и несколько дней ходил по широким половицам и повторял, то ли возмущаясь, то ли передразнивая: «Товарищи, все товарищи!!! Товарищи? Все-товарищи?».

А вскоре ещё напасть – простудился, вылавливая в ледяной воде брёвна для новой бани. Умер скоропостижно. Осталась Марфа с детьми и недостроенным домом. В колхоз не вступила, как ни уговаривали. Жила, как тогда говорили, единоличным хозяйством.

Дети подрастали, воспитывала в любви и строгости. Замуж не вышла, хоть и женихи стоящие находились. Дом достроила, помогали подрастающие сыновья. О чём кручинилась Ильинична (по-вятски – Илинисна)? На сеновал въезд на лошади, как у соседей, не выстроила, а остальным была довольна: и колодец в ограде, и сеновал, и житница, и клетки, и двор для скотины большой, а главное – избу-пятистенок оштукатурила.

Сыновья старшие стали семьями обзаводиться. Филипп женился на красавице Александре, правда была жена старше мужа на семь лет, рано овдовевшая, с дочкой на руках: муж военным был, а что случилось и где - никто уже не помнит, осталась лишь фотография старинного образца. Полюбил Филипп Александру крепко видать. Дом построили, похожий на родительский. Детей нарожали четверых и пятая дочка Анюта, от первого брака Александры. Любил Филипп всех пятерых. Радовалась Марфа хозяйской хватке сына, доброму отношению к людям, уму-разуму. Ценили Филиппа в деревне. Одно огорчало мать – сын первым в колхоз вступил, на него глядя и другие мужики пошли.

Фёдор в город уехал, женился, свой дом построил, жил в достатке.

Алексей женился на соседке Марье. Марья хоть и росточком мала, да работающая и житьё богатое. Алексей «в дом вошёл», то есть ушёл жить к жене. Не одобрила поначалу Марфа такое решение: «не по нашему это, не по-лукичёвски» Но вскоре смирилась, видя, как приняли сына и каким он становится молодым хозяином.

К единственной дочери Марфы – Марии, высокой, кареглазой, жених посватался неказистый и здоровьем слаб. Выдала-таки дочку Марфа замуж, приговаривая: «Негоже первым сватам отказывать, пускай девка своим домом живёт».

Николай вскоре в Киров уехал, работал на заводе, матери начал помогать. Женился Николай, как старшие братья, удачно. Так оценила Марфа жену Николая. Остался при матери один любимый Егорушка. «Вот с ним и жить буду», - мечтала Марфа Ильинична.

А тут война. Первым получил повестку Егор. Провожали молодых парней всей деревней. Увозили мобилизованных по реке на лодках до ближайшей пристани, а дальше на барже вниз по Вятке до Котельнича. Проводила Марфа Егорушку, как от сердца оторвала. Но верила: по реке уехал, по реке и вернётся. С того времени каждый день спускалась Марфа к воде и о чём-то шептала и молчала, молчала и шептала. Много молитв знала мудрая женщина. В доме перед образами Пресвятой Богородицы и Николая-Чудотворца ранним утром и поздним вечером зажигала зелёную лампадку и долго молилась. Вскоре призвали и Алексея. Уезжал на фронт Алексей на подводе до районного центра. Молилась мать за сыновей всё усерднее. Появилось в жизни Марфы очень важное дело.

Спуск к реке крутой и длинный, тропинку от дождей размывало, особенно на глинистых местах. И начала Марфа вырубать в горе ступеньки, покрывать их досочками, вбивая около каждой четыре колышка, чтобы лежали досочки ровно и смиренно, ждали шагов сыновей.

Скоро на Алексея пришла «похоронка». Была жена Марья, приговаривая: «Ведь поленница раскатилась, чуюла я, к горю большому»... Плакали, глядя на мать, два маленьких сына – Иван и Павел. Слёз Марфы не видел никто, как будто окаменела мать. К реке ходила исправно, работу делала упорнее. Ступенек в лестнице прибавлялось. От Егорушки не получила ни одного письма. А вот известие, что «пропал без вести» было таким ударом, что едва выжила. Почернела, осунулась, с лица сошла Марфа. Замерла. Молиться не переставала и к реке приходила, но вставала как-то странно, боком, и, говорят, молчала.

В сорок третьем призвали и Филиппа, ему исполнилось 39. Фёдора не призывали - по возрасту опоздал на войну. У Николая на заводе, тогда уже военном, была броня.

А лестница была готова, ровно 85 ступенек.

Филипп дошёл до Берлина. Был он как заговоренный от вражеских пуль. Прошли месяцы, пока начала Марфа в себя приходиться. Удивила немало соседей новым делом. Рубила в лесу березняк, заготавливала ровные жерди, подпоры и лыко. Начала обустроить лестницу поручнями. Никто не осмеливался спрашивать, к чему такая неженская работа, когда и другой работы в доме невпроворот. Даже старики, ещё крепкие, не отваживались предлагать Марфе помощь. Понимали, что это её главное дело, никого она к обустройству лестницы не подпустит. А на деревне, не сговариваясь, окрестили лестницу «Егорушкина».

Ходили по ней как-то особенно аккуратно, благодарить Марфу тоже не решались, понимая, что это для сына, что он, верит мать, найдётся и когда-то вернётся по её лестнице к дому родному. Ждала и Филю, и он пришёл, вернулся даже не раненым. Радовалась и гордилась сыном, а боль за Алексея и Егорушку была непроходящей.

Шли годы. Марфа не забывала лестницу: латала, обихаживала, по-своему о чём-то каждый раз, ступая по лестнице, разговаривала, может с Егорушкой, может, жизнь свою итожила.

Подрастали внуки, любили приходить в бабушкин дом, всегда чистый и хлебосольный. Любили ночевать на полатах. На ночь глядя учила Марфа внучат молитвам. Потолок над полатами особенно привлекал ребят. Были в потолке, в штукатурке, странные круглые углубления, внуки и правнуки потом называли их «дырочками». Строга была Марфа, дом оберегала особенно, а «дырочки» позволяла. «Это детушки мои своими пальчиками к небу дорожку сделали», - говаривала Марфа. Потолок перед каждой Пасхой мыли, потом белили, а отверстия оставались. Внуки приложили и свои пальчики ко всем отверстиям, кроме одного, его нельзя было трогать. «Это Егорушкина дорога к Богу».

Умерла Марфа, когда минуло ей 85 годков. Совпадение или знак свыше: ступенек в лестнице тоже 85. Не стало Марфы Ильиничны. Прошли годы. В доме над рекой поселились дальние родственники. Лестница ветшала, но жила.

Весной, когда начиналось таяние снегов, разливались речушки, а особенно Колупаиха, добраться до Лучинят было невозможно. В один из таких дней в сельсовет пришло известие о рядовом Егоре Лукиче Лучинине: «Пал смертью храбрых под Смоленском!» Кому теперь известие передать и как? Ждать, когда дорога до Лучинят наладится? Почтальонка Нюра решила, в тот же день во что бы то ни стало, доставить известие. Отправилась в Лучинята по реке в половодье на своей лодке-плоскодонке. Слыхала она, что подняться от реки можно по лестнице, о которой раньше многие говорили.

Серый весенний день. Река неприветлива и мутна. Одинокая, отчаянная лодчонка плывёт, опережая синие льдины. Деревенский почтальон налегает на вёсла, понимая, что сегодня она принесёт, может быть, главное известие в дом, который ждёт его десятилетия. Вот и лестница. Нижние ступеньки под водой, но причалить можно. Поднимаясь по полуразрушенным ступенькам, думалось Нюре, хороший человек строил лестницу, пригодилась.

А как же иначе? Матери верят, несмотря ни на что, сыновья вернуться. Должны возвращаться. Мы ждём их всегда.

Галина Замятина, внучка фронтовиков, пгт. Орочи.

*Моей маме,
Лучининой Алевтине Александровне посвящается*

Знаем мы о войне из кино и романов,
Но дорожке вдвойне нам рассказы родных.
Со слезами в глазах мне поведала мама
О детишках далёкой военной поры.

Как они колоски на полях собирали.
Их припрятать нельзя, будут строго судить.
Дотянуть до весны все старались. Мечтали
Из пестов поскорее похлёбку сварить.

Лепёшки из лебеды – лакомство детям!
Не беда, что болит и скандалит живот.
Не считали себя обделёнными чем – то на свете,
Цель – дожить до Победы, если вдруг повезёт.

Детям войны медали потом не вручали,
Хоть и тяжестью годы на плечи легли.
И работы они никакой не гнушались,
Честь и совесть в крови у детей той поры.

«Пока мы помним, мы живём»

Жизнь так устроена – чем старше становишься, тем глубже понимаешь необратимость пережитого, тем горше ощущаешь утрату родных, самых дорогих сердцу людей. Сожалеешь, что в молодости не хватает мудрости, времени, чтобы постараться запомнить услышанное, да и записать не помешало бы...

Но давайте обо всё по порядку! Были у меня два деда: Лучинин Филипп Лукич, 1903 года рождения и Жданов Александр Алексеевич, 1907 года рождения. Обыкновенные вятские мужики: выносливые, смекалистые, со стерженьком, как говорят в народе. Дедушка Филипп с бабушкой Саней жили недалеко от нашего дома, поэтому у них я была частым гостем. Порой наблюдала, как плотничает дед, умело обращаясь с незнакомыми мне инструментами. У него каждый гвоздик знал своё место, и в доме царила дисциплина – здесь не принято было кричать, баловаться. Немногословный мой дед, на шалость мог отреагировать одним только взглядом, и этого бывало достаточно. Зато на всю жизнь запомнилось, как однажды, в пору отрочества, придя к ним в гости, я услышала незнакомое, но почему-то понравившееся, обращённое ко мне слово «барышня». От этого слова повеяло на меня чем-то стародавним, я бы тогда сказала, дореволюционным. Это мои ощущения из юности... Но греют они меня до сих пор. Даже стараюсь употреблять его в отношении юных девушек, всякий раз прогоняя через себя теплоту того самого момента.

Я знала, что дед мой – фронтовик, призванный не в первую очередь, поскольку на момент начала войны ему

было уже под сорок. Но фронтовой жизни успел хватить сполна, о чем практически не рассказывал. И все-таки, кое-какие воспоминания «зацепились» в памяти. Служил он связистом, прокладывая связь на передовой и устраняя повреждения, порой приходилось под обстрелом. А порой в тишине. Но и тишина на войне бывает опасной. Однажды, после жестокого боя тянули дедушка со своим сослуживцем тяжёлую большую катушку с кабелем по лесному массиву. А голодно было очень. Прилетели две сороки, дед хотел одну подстрелить, чтобы потом сварить, но не успел – его товарищ высунулся было из-за катушки, и тут же получил снайперскую пулю в лоб. Отходить пришлось ползком по-пластунски, сильно хотелось пить. Дополз до реки, наклонился зачерпнуть в ладони, а вода в ней красная от крови.

Помнится, когда он смотрел кино про войну, всегда с негодованием головой крутил, не так, мол, было всё, не так!!! Врут, врут всё, приукрашивают. А рассказать, как было... А записать... запомнить... не получилось тогда. Зато теперь всё хочется собрать по крупицам, да не у кого спросить... Его портрет вместе с портретами других земляков – фронтовиков ещё долго висел на стене в Зенгинском доме культуры. Каждый раз, бывая там, замирало сердце под строгим дедушкиным взглядом. Гордость, нет, даже не столько она, а, пожалуй, сопричастность к чему – то большому бередила душу молодой девчонке.

Знакомое с детства слово Кёнигсберг, так назывался раньше город Калининград. С этим городом во многом связана фронтовая судьба моего дедушки. Он принимал участие в боях за взятие Кёнигсберга, за что был награжден медалью. Ещё одна медаль была у него – медаль «За отвагу». Тогда же, после взятия города, войска шли маршем по тракту, а командир связистов решил обогнать их и приказал объехать пехоту по полю, которое оказалось заминированным. Машина подорвалась, двое солдат погибли сразу, а деда выбросило ударной волной на несколько метров от машины, и он получил сильнейшую контузию, отчего часто мучился потом головными болями.

Пришёл дед с фронта по тем временам почти здоровый. Видно, ангел-хранитель с ним прошагал дорогами войны или бабушка отмолила. Пятерых детей воспитали они. 1991 год стал последним в его жизни.

Второго дедушку, Жданова Александра Алексеевича, в семье почему-то называли «дальник»: «Дедушка – дальник приедет», «Дедушка – дальник заболел» и т.д., хотя жил он не так уж и далеко, всего-то в 25 километрах от нас. Правда дорогу к нему, как раз на середине, пересекала река Вятка, переправа которой значительно удлиняла поездку. Зато эти поездки были всегда долгожданными и познавательными. Когда ещё пораньше из детсада заберут? А детская радость от встречи с близким человеком? Помню: зима, на улице студёно. Но в

папином агрономском «козлике» почти тепло. За замерзшим окном можно различить силуэты деревьев в шапках снега, кругом белым-бело. Время в пути пролетело незаметно. Вот и остановка, приехали. К моей всеобъемлемой радости, дедушка – дальник встречает нас на лошади, запряжённой в розвальни – дальше для машины хода нет – кругом бесконечный снег, лес и вдали маленькие деревенские домики с дымками из печных труб. Прошу у дедушки вожжи и «рулю» лошадю, а он тихонечко контролирует...

В начале войны он имел «бронь», так как работал председателем колхоза. Но, пожалев деревенских мальчишек, которые строили аэродром (сейчас это - Победилово), помог им сбежать со строительства. После чего получил повестку на фронт. Со своим полком ехал в эшелоне к месту назначения. Поезд атаковали с неба фашистские самолёты, стали бомбить. Бомбы сыпались одна за другой. В кромешном аду все бросились врассыпную: кто-то успел добежать до леса, а кто-то навсегда остался лежать на поле. Дедушка не успел, но он сообразил скатиться в глубокую воронку и столкнул туда женщину, которую накрыл своим телом. Помню, что спина его была вся в шрамах, оказалось, это последствия той бомбёжки. Спас он тогда военврача. Всю послевоенную жизнь страдал болями в спине, ушёл из жизни в 62 года.

В каждой семье есть свои герои, свои павшие, своя боль от той, уже далёкой, войны. Пусть дедушки мои возвратились домой живыми, пусть они не совершили громких подвигов, но они, не раздумывая, встали на защиту Отечества и внесли свою маленькую лепту в большую Победу. В том, что Россия осталась свободным независимым государством, есть заслуга и моих родных фронтовиков!

Татьяна Зыкова, д. Савичи, Оричевского района

Они, как птицы умчались в небо,
А мы живые, нам солнце светит.
И за последнюю корку хлеба
Отдать готовы не всё на свете.

Малыш скривился, не ест «пирожку»,
Конфету бросил, не тронул супчик,
А тем детишкам простой картошки
Не было слаще, не было лучше.

Да что картошка, да корка хлеба,
Клей, да опилки, да мёртвый голубь.
В стене пробитой зияет небо
И не щадящий животный голод...

На кухне мама готовит ужин,

Дом полной чашей, ломятся полки.
Вчерашний ужин – уже не нужен,
И хлеб подсохший – в ведро, в помойку.

В век потребительства и излишеств,
У сладкой жизни есть привкус горький,
Когда представим глаза детишек,
Чья жизнь держалась на этой корке.

Евгения Храмцова, внучатая племянница фронтовиков, п. Лёвинцы,
Оричевского района

Мы сражались за каждый метр,
Умирали за тех, кто дома
Прячет фото под старый фетр,
Улыбается так знакомо...

Пепла горького полный рот.
Говорят, мы глядим сурово.
Это страшно, когда народ
Загрызает один другого.

Неужели и тот, кто там,
За стеной из огня и дыма,
Просто верен своим мечтам,
Тоже хочет увидеть сына?

Кто тогда отправляет в бой,
Обрекая на смерть и горе?
Видно он не в ладу с собой,
Со всем миром, наверно, в ссоре.

А так хочется просто жить,
Не бояться раскатов грома...
Научиться бы всем дружить
И везде быть... – как дома.

Екатерина Солодкова (Шевнина), внучка фронтовика, пгт. Стрижи

«Каждая несла домой свои карамельки»

Году в 2005 районная газета «Искра», где я тогда работала корреспондентом, проводила конкурс на любимую военную песню. Люди должны были написать слова таковой песни, но – самое главное – предысторию, почему именно это произведение осталось любимым. Писем пришло много, на тот момент большая

часть детей войны находились в добром здравии. Было весьма интересно читать, кто и что пишет. Лично мне запала почему-то в душу совершенно простая история (извините, не помню, из какого именно села пришло это письмо, и кто был автором). Пожилая женщина – маленькая девочка военной поры – писала о том, как в голодном 1942 году в их школе нарядили ёлку! В страшное время им, детишкам младших классов, это показалось настоящим волшебством. Состоялся и праздничный вечер, ровно хонько 31 декабря. Прямо там, на празднике, учителя водили с детьми хоромы и научили малышей песне «Катюша». «Катюша» очень им понравилась, вечер показался сказочным. А уж когда им, вдоволь хлеба не едавшим, раздали подарки – по две карамельки – дети были просто счастливы.

И вот – говорит автор письма – шли мы с подружкой из школы в свою деревню через тёмные поля, но не боялись, потому что во весь голос распевали «Катюшу».

И каждая несла домой свои карамельки. Не съела, потому что дома были бабушка, мама, братик, а несла!

Иногда, когда я ною и жалуясь на жизнь, я вспоминаю двух маленьких девочек, бодро идущих по снежной дороге и счастливых от того, что в их ладошках зажаты карамельки – и мне становится стыдно.

Я не помню, победила ли эта история в конкурсе «Искры» - по-моему, нет. Но я её помню до сих пор.

Давно хотела написать об этом стихотворение. Но едва стала писать, мысли, как водится у творческих людей, сбились. Вспомнились рассказы блокадников, в том числе Георгия Эрнестовича Педаяса, нашей дорогой Надежды Михайловны Мартьяновой. Вспомнилась «Блокадная книга» А. Адамовича – сильное и страшное произведение. Всплыли в памяти рассказы орчевских жителей – детей войны.

Я написала стихотворение. Как смогла, так написала. Не должно повторяться время, когда детям, когда людям голодно и страшно. «Будем жить, ребята!»

Письмо

Мамочка, здравствуй, ты как там?

Роешь защитные щели?

Есть ли письма от папы?

Хлебные карточки целы?

А за меня не волнуйся:

Кормят в детдоме от пуза.

Здесь, в глухом захолустье,

Мы со всего Союза.

Мам, я учусь неплохо.

Суп на обед – из капусты.

Перебираем картоху,

Топим печку в дежурство.

Младшие плачут по дому,

Даже сильнее, чем от боли.

Только утром сегодня

Что-то случилось в школе.

Мы посмотрели в щёлку:

Думали, будут ученья.

А оказалось - ёлку

Ставят в том помещенье,
Где пионерские сборы.
Слёзы утёрли девчонки,
И пошли разговоры –
Праздник – веселье - ёлка!
Мелким бы ёлки да горки-
Вот и закончилась драма.
Холодно в нашей каморке? –
Ты напиши мне, мама!
Так же сирены воют
В небе, слепом и страшном?
Это ведь всё, что помню
Я о городе нашем...
Мама, на ёлке игрушки!
С фабрики нам прислали.
Танки, картонные пушки -
Мы помогли, разобрали:
Поезд со звёздочкой яркой,
Дед с автоматом угрюмый.
Санька влюблён в овчарку -
Пса с санитарной сумкой.
Шар, довоенный, мама,
Зайчик с лисой и гусем.
Ждал я аэроплана,
Пусть из трубок и бусин.
Вот на прищепке зенитка,
Мне же милей самолёты.
Мама, а жив ли Митька,
Вместе хотели в пилоты?
Дело прошлое мама:
Сгрызла тоска по дому.
Саньку позвал – и сбежали
Мы к самому военкому.
Выгнал. Ругался матом:
«Быстро в детом! Вояки!»
Ты меня знаешь, мама
Буду летать на «Яке»!
Что ж это будет, мама?
Чинно сидим на скамейке.
Праздник? Как в детстве? Тот самый?
Нам раздают карамельки.
Вот я богат несметно.
Так, что почти что плачу.
Две драгоценных конфеты
Я для тебя припрячу.
Ты ведь не сдашься, мама?
Ты не должна сдаваться.
Мы с тобой знаем: надо

С фронта отца дожждаться.
Мама, до встречи! Не трушу.
Жду чудес приближенья.
Но тишину нарушу
Неосторожным движеньем.
Сыплют, как снег, с оконца
Прежние письма каскадом.
Вряд ли и это прорвётся.
Через кольцо блокады.
Мама, но пусть на мгновенье
Тёмный твой угол осветит.
Мой треугольный конвертик,
Ёлка. И две карамельки.

«Петербурженка»

«Дети, плача, хлеба просили, нет страшнее пытки такой», - вслед за поэтессой Еленой Рывиной готова повторить пережившая блокаду Надежда Мартьянова

Надежда Михайловна Мартьянова – коренная ленинградка. Даже правильнее будет сказать, коренная петербурженка: по крайней мере, семь поколений её предков жили в городе на Неве, задолго до революции отсчитывая свой род. В шестидесятые годы она покинула родной город и уехала на родину мужа, в Киров, но до сих пор с теплотой вспоминает окаймлённые каналами улицы. И это несмотря на то, что именно в Ленинграде на её долю выпали самые страшные испытания, какие только могут достаться человеку десяти лет от роду.

Именно столько было Надежде, когда началась война. Папа ушёл на фронт, от него получили только одно письмо, а после – похоронку. Два старших брата пошли работать на заводы, мама копала траншеи. Школьниками оставались Надя и Павлик, на год её старше. Но учиться им уже не приходилось. Тем более что в родной школе располагался госпиталь, а позже – детский дом. Она же, альма матер, давала защиту: в её подвале сделали бомбоубежище для жителей ближайшего района. Когда объявляли воздушную тревогу, мама хватала в охапку младших – Надю и Павлика – и бежала в школу. Старшие оставались дома.

Всё нехитрое хозяйство легло на плечи девочки. Её обязанностью было получать хлеб по карточкам. И обязательно искать лавку, где пайки могли выдать вперёд, потому что еды катастрофически не хватало. О том, как выжить завтра никто не думал: будет ли это завтра? К тому же голод был сильнее любых сомнений.

Очередь за хлебом Надя занимала с ночи. Потом прятала хлеб под мышку и бегом – как позволял истощённый организм – бежала домой. Однажды её ограбили: взрослый парень отнял хлеб. Надя пришла домой, рыдая навзрыд. Старший брат Коля нахмурился, подробно всё расспросил, бросил: «Я знаю этого типа». Кажется, нашёл его и даже поговорил по-мужски, только хлеба было уже не вернуть.

Теперь ей даже во сне снятся те 125 граммов блокадного хлеба. Трудно сказать, из чего он был сделан. В один из юбилеев Победы участникам кировского

общества блокадников подарили по 125-граммовому кусочку. Но это был настоящий хлеб.

Однако в военное время помог выжить именно тот, ленинградский полухлеб.

К концу осени настали совсем плохие времена. В квартирах стоял жуткий холод и темнота. Все молчали, ходили как тени – ни разговоров, ни, конечно, смеха: все силы уходили только на то, чтобы не упасть. Люди становились непохожими на себя, их ничего уже не радовало и не пугало.

- Надя, - кричит утром мама, - разбуди Колю, ему на работу!

- А он холодный, мама, и не дышит, - монотонно отвечает девочка.

Коля умер, и они находились на той же грани.

Надя хлопотала по дому исключительно по заведённой привычке. Ходила с санками за водой, потому что и водопроводы уже не работали. Чтобы было легче, брала с собой подружку - одногодку. Однажды пришла за подружкой – а их квартира почти разрушена ночным налётом, и умирающая девочка лежала на полу без ног.

Надя и тогда почти не испугалась: голодное тело двигалось по инерции, на эмоции не оставалось сил.

Потом умер брат Павлик. Он топил печку немногочисленной оставшейся в доме мебелью, и одежда на нём вспыхнула. Он получил ожоги, и ослабевший от бескормицы организм справиться не смог.

Дальнейшее было всё как в тумане – память не очень фиксировала события, истощение достигло крайнего предела. Надя смутно вспоминает, что умерли мама и последний брат. Кто нашёл её в пустой и страшной квартире, не знает. Предполагает, что кто-то из отрядов молодёжи комсомольского возраста, из тех, что ходили по квартирам в поисках живых и убрали тела, чтобы не вспыхнула в городе эпидемия.

Она равнодушно отреагировала на место, куда её привели, где её вымыли. Но вот первый после долгого перерыва нормальный обед запомнила на всю жизнь, до старости. Это была настоящая манная каша с крохотным кусочком настоящего масла, настоящий хлебушек тоже с маслом и какао с восхитительным запахом! Этот запах разбудил 10-летнюю Надю. Она огляделась вокруг и узнала родную школу, переделанную в детский дом. Школа снова её спасала.

В апреле 1942 года детский дом вывозили по Ладоге на грузовиках. Было жутко, особенно от того, что шедшая перед ними машина с другими ребятами провалилась под лёд и утонула – до них, закрытых брезентом от страшной картины, долетели только крики. Немного успокаивало то, что вдоль дороги Жизни стояла колонна военных с оружием, а рядом – зенитные орудия. Была надежда, что они спасут детей и город.

Детей посадили в товарные вагоны: на полу – солома, в центре – печка. Так и ехали. Руководила процессом бывшая директор Надиной школы Вера Ивановна Черных, она везла и своих двух детишек.

Прошло очень много времени, пока поезд привёз маленьких ленинградцев и воспитательницу в Краснодарский край. Детишкам предоставили помещение и – ура! - вполне хорошее питание. Станичники даже простой воды ребятишкам никогда не плеснули – только свежее молочко. Малыши оттаяли, насытились. Появились даже нарядные платица, и девочки стали походить на девочек.

Наступление немцев застало их врасплох. В последнюю секунду по просьбе отчаявшейся Веры Ивановны мужчины - станичники покидали детдомовцев в грузовики, домчали на станции и – на угольные платформы. Нарядные платица

сразу превратились в чумазое нечто. Поезд тронулся, начался налёт, на станцию упали бомбы. Поезд, увозящий хлебнувших горя детей, успел вовремя.

Но ещё не раз и не два по пути слышался предупреждающий крик, и детвора ссыпалась с поезда в кусты – скрываться от бомбёжек. А после налёта Вера Ивановна металась между ними, пересчитывая, прижимая каждого к себе. Разницы между родными и своими детьми она не делала.

Голод чуть снова не подкрался к ним, потому что в спешке директриса не успела взять не только вещи, но и карточки. Она продала свои последние украшения, чтобы выдать каждому по сухарику и как-то дотянуть до нового приюта - киргизского села Сару на озере Иссык-Куль.

Там, сдав своих детдомовцев на руки другим воспитателям и взяв родных малышей, Вера Ивановна покинула питомцев, чтобы вернуться в Ленинград и сопровождать новую партию детей. Когда она уезжала, рёв стоял ужасный – она защищала и хранила их, и осиротевшим ребятишкам казалось, что они лишаются даже большего, чем материнская опека. Потом, после войны Надя разыскала свою Веру Ивановну в Ленинграде, и они обрадовались друг другу до слёз.

В детдоме они пробыли до победного 1945-го. Набавив ребятишкам по году, чтобы сделать их людьми уже вполне рабочего возраста, их отправили обратно в родной город.

Там в распределителе на Лиговке новое рабочее поколение города ждало, кому приглянется их рабочая сила. Но к ним почему-то никто не подходил. Что, впрочем, неудивительно.

- Мы были плохо одетые, маленькие, худющие, обритые, а мне, допустим, ещё и четырнадцати на самом деле не исполнилось – кому такие нужны, - рассказывает Надежда Михайловна. – И вот подходит к нашей группе женщина и говорит: «Ну что, заморыши, вас никто не взял? Пойдёмте со мной».

Так Надя с подружками оказались прядильщицами на фабрике «Возрождение». Спрашивали с подростков как с взрослых: выпала ночная смена – работай. Глаза слипаются от усталости – разбудят: «Надя, девочка, надо работать!»

Конечно, был грех: подростки во время часов отдыха ходили на головах, всё же это были недоигравшие дети. Когда они стали кататься в промышленных тележках, руководство завода установило им в цехе качели. И вообще юных тружеников не обижали: кормили три раза в день, раз в год давали путёвку в дом отдыха, проживание в общежитской комнате на двадцать четыре человека стоило копейки и казалось после детдома вполне нормальным. А зарплата была хорошая – ставшая на загляденье красавицей, Надя часто щеголяла в новеньких платьях, только с портнихиной иголкой.

Не зря «положил на неё глаз» проходящий срочную службу на флоте морячок Володя Мартьянов. За него она вскоре и вышла замуж. Володя надышаться на неё не мог, и до свадьбы не раз влезал за невесту в драку: очень уж обидным казалось, что на хорошенькую Надю другие парни кидают восхищённые взгляды.

Молодой семье дали прекрасную комнату. Но Владимира потянуло на родину, и Мартьяновы вместе с маленьким сыном перебрались в Киров. Много лет Надежда Михайловна проработала на заводе «Красный инструментальщик», и до сих пор сохраняет прекрасные отношения с коллегами по работе. Овдовев, она не падает духом. По возможности бывает на многих мероприятиях в Кирове,

посвящённых и заводу, и Победе, хотя уже несколько лет живёт в тихих Оричах. В трёхтомнике «Город, ковавший победу» ей посвящена глава. Её оптимизм, лёгкость характера, любознательность, острый ум делают Надежду Михайловну прекрасной собеседницей и хорошим товарищем.

Однако всё чаще на склоне лет ей вспоминается родной город – и даже не его великолепные дворцы и каналы, а танцплощадка, на которой было так весело

послевоенному поколению девчат, пробившемуся сквозь тяжёлые годы, как весенняя травка сквозь тяжёлые плиты; двор - колодец, где радостной ватагой бегала замызганная ребятня – в их числе Надя вместе с братьями.

После войны Надежда Михайловна несколько раз бывала возле своего дома. Сначала он стоял, обычный, как в детстве. Потом его снесли. А школа, которая дала убежище и приют, жива.

Но эти воспоминания – для себя. Когда-то они с мужем привозили в Ленинград внука, водили его по широким проспектам и мимо высоких дворцов, возили в Пушкин и Ораниенбаум. Пусть он видит город таким – красивым, гордым, возрождённым.

А другой Ленинград, как рубец, остался только в её сердце.

«Из ада блокады – в свой Киров родной»

*вышла живой медсестра Евдокия Шулятьева,
уроженка Верхошижемского района*

«А я помню, когда мне было особенно страшно, - рассказывает она. – Мы на «скорой» ехали на вызов, и вдруг как загремят выстрелы! В первый раз так близко их услышала. И вот я, не помня себя, засунула голову под мышку водителю, прямо как страус. Наверное, в голове мелькнуло – он взрослый мужчина, защитит».

Это из рассказа Евдокии Дмитриевны Шулятьевой, уроженки Верхошижемского района, оказавшейся волею судьбы в блокадном Ленинграде.

Деревенская девочка из многодетной крестьянской семьи, она любила учиться. Да вот беда – в родных Бушмелях была только начальная школа, семилетка – за пять вёрст, а десятилетка и того дальше. Старший брат Пётр тогда и позвал быстроногую сестрёнку к себе. Дескать, живи у нас с женой, Волховстрой – всё-таки город, и Ленинград недалеко, и все возможности, да и с маленькой племянницей нянчиться поможешь... А ей что? Она и рада! Летом собрала скромный скарб – и в Киров, на поезд.

А там, дальше – совсем другая жизнь, и радость, и надежды!

Была, правда, вначале маленькая червоточинка: не взяли Евдокию в школу, потому что прописки в Волховстрое не было. Но она не растерялась: поступила в двухгодичную медсестринскую школу. Она ещё в Кирове подумывала о медицинском образовании, так что получилось ещё лучше.

Училась, водилась, помогала семье брата по хозяйству – так и прошёл первый год учёбы. Летнее каникулярное время отличалось только отсутствием занятий в школе: тот же барак, в котором жил брат с семьёй, та же возня с маленькой племяншкой. Только и выбрала время, что с подружками за малиной сходить. Да и

там незадача: попала под холодный ливень, простыла и слегла в больницу. Болела очень тяжело. Как-то соседки позвали к окну – она, еле держась на ногах, подошла, а там брат Петя. Помахал рукой и крикнул, что уходит в армию, на Финскую войну. Толком так и не попрощались. Да и откуда им обоим было знать, что это прощание – навсегда?

«Это что за остановка: Бологое или Поповка?» - как в детских стихах, была как раз Поповка. Туда она попала по распределению после медсестринской школы. И работала сразу медсестрой в яслях и патронажной сестрой - на весь посёлок. Персонал этих яселек состоял из двух человек. Едва начиналось утро, нянюшка принимала «на постой» грудничков. Тут медсестра приходила ей на помощь – крох перепелёвывали в форменные детсадовские пелёнки, домашние одёжки складывали в шкафчики. А малышей постарше, полутора - двух лет оставляли на попечении медсестры – восемнадцатилетней Евдокии.

Уставали няни страшно, и была у них одна отрада – по выходным доехать на электричке до Ленинграда и сходить там... в баню! В Поповке толком вымыться было негде.

Вот в одно летнее воскресенье Евдокия с няней опять собрались в город на Неве. И пока шли до станции, чудно им показалось, что люди ходят небольшими толпами, толпы эти сливаются в большие, и всё о чём-то говорят. Евдокия обратилась с вопросом к прохожему.

- А вы что, и не слышали? – сказал он девушке. – Война!

Как на грех, круглая радиоточка у них в комнатухе молчала: отключили, чтобы власть выспаться.

В понедельник утром ясли практически пустовали: испуганные матери не желали отдавать детишек в чужие руки, предчувствуя нелёгкую годину.

В конце августа Евдокия уволилась и, получив эвакуационное удостоверение, перебралась в Ленинград в надежде уехать в Киров. Не таким горестным ей виделось возвращение домой, но делать было нечего.

Однако оказалось, что о выезде из осаждённого города было нечего и думать. Пока ещё не испытывая настоящего страха, девушка ходила на эвакуопункт – ставила отметки в ожидании отъезда, получала специальное питание. Когда вспыхнул печально известный пожар на Бадаевских складах, она не думала о самом плохом, а радовалась малости: как раз тогда Евдокию снабдили билетиком в баню. Между тем ей посоветовали прописаться и устроиться на работу. Тут - то и пригодилась профессия медсестры. Евдокии сразу же выдали направление на станцию «скорой помощи» на Васильевском острове.

- Меня поселили в общежитии на набережной Карповки, дом четыре, - говорит Евдокия Димитриевна. И через некоторое время повторяет снова несколько раз: набережная Карповки, четыре, – словно точный адрес остался последней опорой для мостика в прошлое.

Вот тогда-то и попала она с водителем под первый свой обстрел. Тогда она работала, бывало, без перерыва и по двое суток. Именно тогда она видела неугасающее зарево над Ленинградом: от пожаров, бомбёжек. Город с его опустевшими улицами казался огромным факелом, и было непонятно, как в нём кто-то мог ещё оставаться живым. Именно тогда она, выехав по вызову, застала в квартире мёртвую женщину и живого малыша. Была совсем неопытной, взять его не решилась, а вместо этого вызвала другую бригаду. И теперь при слове «Ленинград» постоянно вспоминает именно этого младенца. И вызов на Кировский

завод, по которому прошёлся обстрел: ехали она, водитель да фельдшер – студент. А потом на повороте – раз! – только дверь схлопала: убежал студент. Может быть, нервы не выдержали... А им с водителем надо было помогать раненым рабочим: отводить в машину, перевязывать...

Между тем выезды становились всё реже: не хватало бензина. Вернее сказать, не хватало практически всего – электричества, воды, тепла, и в первую очередь продуктов. Голод к зиме 1941 чувствовался очень остро.

Медсёстры, фельдшеры часто дежурили на Финляндском вокзале при отправке эвакуационных поездов. Мера эта была отнюдь не лишняя: бывало, измождённые пассажиры падали в обморок, а то и умирали, не дождавшись поезда. Умерших уносили на носилках в находящийся на месте бывшего склада морг. Были на вокзале ослабевшие люди, подлежащие эвакуации, но они не могли сесть на поезд, потому что их документы были либо утеряны, либо украдены. Бывало, наоборот – у кое-как втиснувшихся в вагон на перроне оставались чемоданы: голодная забывчивость или просто слабость делали своё дело. Словом, много горя увидела 18-летняя Евдокия. И сама хлебнула его.

Питалась-то она ничем не лучше других: 125, а чуть позже – 150 граммов хлеба в сутки! И какого хлеба! Он был непонятным, жидким, словно холодец, только настоящий на хлебных зёрнах. Но и такой давал надежду на завтрашний день, помогал выжить.

Однажды в очереди за хлебом, когда маленькой росточком Евдокии уже взвешивали её паёк, рука высокого мужчины через голову девушки ухватила вожделенный кусок – и вор был таков, только очередь охнула.

Так Евдокия осталась без пайка. Пробовала варить столярный клей, как советовали другие – заболела кровавым поносом, еле осталась жива.

Говорят, у каждого выжившего в блокаду находился свой ангел-хранитель. Был такой и у Евдокии Дмитриевны. Ангелом оказалась медсестра-немка, соседка по общежитию. Её сестра, жившая в Тихвине, умудрялась передать родственнице продукты питания – сухари, иногда масло. Та делилась с девушками. А однажды, вернувшись в комнату после смены, Евдокия увидела, что одеяло её кровати топорщится: добрая соседка подложила ей буханку хлеба. Драгоценней такого подарка трудно было что - либо придумать!

Выживать вместе было легче. В общежитской комнате стоял холод, дров комендант выдавал немного, только чтобы «буржуйка» была тёплая. И вот как-то однажды потихоньку, с оглядкой на дверь девчата истопили в печи все ящики тяжёлого письменного стола. Зато согрелись и даже головы вымыли. А то ведь как жить? Положена им была баня, это верно. Да где та баня? Попал снаряд - и нету. О том и не горевали, были потери пострашнее.

Пришла как-то Евдокия со смены, а медсестричка Маруся сидит в кресле у окна – ни встать не успела, ни прилечь – уморил её голод.

Порой больше смертей пугали молоденькую Евдокию немецкие листовки. Почему - то именно во время вызовов они попадались ей: их сбрасывали с воздуха. «Вы всё равно умрёте на развалинах своего Ленинграда», - таково было их содержание, а на обратной стороне – обведённое чёрной прерывистой линией кольцо вокруг нарисованного города. Вскоре стали появляться листовки, в которых жирная линия стала сплошной. Евдокия вздрагивала, собирала, сколько могла листовок и отдавала их коменданту.

Но самой тяжёлой работой оказалось ночное дежурство на крыше: надо было успеть поднять специальными щипцами зажигательную бомбу и сунуть её в бочку с водой. У истощённой девушки сил на это не хватало. Выручал напарник, молоденький медбрат.

После этого дежурства как-то шла она домой по занесённой снегом тропинке и поймала себя на мысли: сейчас, если кто-то встретится, разойтись с ним не смогу – упаду в снег и замёрзну. А на другой день она уже снова работала.

Но грозные признаки дистрофии надвигались. Медсестра-немка была старше всех девчонок в комнате, она всё видела и понимала. Она и посоветовала вновь вспомнить о последнем шансе спастись - об эвакуационном заявлении.

Ранней весной 1942 года Евдокия ехала на грузовике по льду Ладожского озера. И ей в голову приходило, что Ленинград будет жить – вон сколько хлеба привёз в город этот грузовик, обратным рейсом увозивший голодных людей на большую землю. То вдруг она начинала размышлять: кому из девочек выпадет дежурить этой ночью, ведь смена-то её! Или смотрела из-под брезента на колёса грузовика, то и дело чуть пробуксовывавшие в воде, и ей становилось страшно: она понимала, что если грузовик уйдет под лёд, выскочить она не успеет.

Потом был поезд, и на больших станциях раз в сутки их кормили. В одном из городов обед показался таким вкусным! И как-то, совсем случайно, девушке показалось, что крестик в карточке, отмечавший выданную порцию, полустёрт. Вообще-то Евдокия была совестью девушкой, воспитанной в строгой крестьянской семье. Но есть так хотелось! Поле недолгой внутренней борьбы она подтёрла крестик пальцем и снова подошла на пункт выдачи. Раздавальщица только краем глаза глянула на карточку - и в крик. А потом твёрдой рукой подрисовала жирный крест. И стыдно было, и голодно, и снова – в нетопленный вагон, две недели пути до Кирова.

А в родных Бушмелях встретила большая и тоже совсем не сытая семья. Однако это был уже не тот изнуряющий ленинградский голод. С 1942 года Евдокия Дмитриевна работала секретарём в сельсовете, на её плечи легло, в том числе, нелёгкое дело разносить извещения о тех селянах, кто пропал без вести или погиб.

После войны Евдокия Дмитриевна получила бухгалтерское образование, до пенсии работала старшим бухгалтером. Вышла замуж – («сосватали», улыбается она) – за вдовца с ребёнком. Десятилетнего сынишку воспитала как родного. Вспоминает, как в первый раз вошла в дом законной супругой Григория Дмитриевича, а Юра ей: «Мама!» - у той от неожиданности посуда из рук выпала, и сердце сразу потянулось к мальчику.

Давно нет на свете ни супруга, ни сына. Евдокия Дмитриевна перебралась жить в геронтологическое отделение посёлка Зенгино Оричевского района, одно из лучших, как она считает, уютное и тихое. Когда вечерами светит на одноэтажные домики луна и где-то лает собака, кажется, что она снова - в милых сердцу Бушмелях под родительским надзором, и седьмой класс близится к завершению, а впереди – вся жизнь, обязательно счастливая. И никакой войны.

Светлана Репина, с. Истобенск

Посвящается моему папе, Старикову Алексею Семёновичу

Не рассказывал отец о войне.
Говорил: «Вот появятся внуки...»
Снились танки ему в огне
И друзья, что погибли в муках.

Он медали спрятал в коробку.
Доставали мы с братом тайком.
На вопросы наши неловкие
Отвечал всегда с матерком...

- Не хочу про войну, не надо,
Может быть, как-нибудь потом...
Воевали мы не за награды,
Мы за Родину бились с врагом.

Не успел рассказать. Так вышло.
Догнала солдата война.
Прибауток его не слышно,
Между нами боли стена.

В День Победы, 9 Мая,
С фотографией прадеда внук мой идёт,
И с «Бессмертным полком»
Мы все вместе шагаем,
Значит, память о павших
Никогда не умрёт.

Анатолий Зыков, пгт. Оричи

«Мы дети отцов-победителей»

Какой был клёв на речке в этот день,
Отец лишь успевал менять насадку.
Пришли домой, у всех на лицах тень,
А на щеках легли трагические складки.

По-детски мы резвились, как всегда,
Не ведая о всех постигшем горе,
Проклятья Гитлеру звучали иногда,
Но их мы видели и раньше на заборах.

Лишь только через день мы поняли: война,
Хотя родители об этом не сказали,

А мать, наполнив вещмешок отца сполна,
Уже куда-то его с плачем провожала.

Мужики, рассевшись тесно по возкам,
Под гармошку лихо песни распевали,
Старушки, приложив платки к глазам,
Иконки им за пазухи совали.

Смолкли голоса за дальним поворотом,
В звенящей тишине деревня замерла,
Лишь тихо, не сдержавшись, всхлипнул кто-то,
На лицах скорбная морщинка пролегла.

Стояли ребятишки с удивлёнными глазами,
Смотрели на вдруг постаревших матерей,
Но уже завтра все они учились сами
Запрягать в телегу лошадей.

Но скоро их в деревне не осталось,
А ведь без лошади в деревне никуда,
И вместо них соседки в плуг впрягались,
За ними оставалась, пропитанная потом, борозда.

В то время все мы быстро постигали
Непростую азбуку мужицкого труда.
В мозоли и кровь руки разбивали,
Но наших слёз никто не видел никогда

Мы всё надеялись: отец вот-вот вернётся
С весёлой, радостной улыбкой на лице
Или напишет, как он с фрицем бьётся
В коротеньком солдатском письмеце.

Но почтальон опять проходит мимо,
Мать ему с тревогой смотрит вслед.
Тогда ещё не понимал я, как невыносимо
Надеяться и ждать, когда почти надежды нет.

Незаметно дни и месяцы в работе пролетали,
О детских шалостях совсем пришлось забыть.
Сегодня утром с мамой сено отметали,
А завтра надо в лес: пора дрова рубить.

Однажды почтальон и к нам нашёл дорогу
Ранним утром, чуть забрезжил рассвет.
Зашёл и, прислонившись у порога,
Протянул казённый запечатанный конверт.

Мать охнула, за грудь схватилась,
В рыданиях и слезах упала на кровать.
Я понял: страшная беда случилась
И неуклюже бросился к ней успокоить и обнять.

В то утро я на голову стал выше,
Повзрослел на несколько годов,
Я до сих пор тот материнский голос слышу
И всхлипы пацанов, лишившихся отцов.

Никогда мы не будем родниться с войной,
Будем помнить и чтить своих кровных родителей,
Всегда будем гордиться своею судьбой,
Мы не дети войны, мы дети отцов-победителей.

«Поклонимся нашим матерям»

Мы гордимся нашими отцами,
Презревших смерть в отчаянных боях,
А как нам не гордиться матерями,
Ковавшими Победу на полях.

Их подвиг не отмечен залпами салютов,
Он совершался не под грохот канонад,
Судьба с войной замешанная круто,
Их ставила в один бойцовский ряд.

Их мужики на фронте воевали
И не было для них других больших наград,
Чем письма, что не часто получали
С припиской: жди, вернусь, храни ребят.

Они хранили, как могли, умели
Своих кровиночек от холода и бед,
И кто их упрекнёт соломенной постелью,
Картофельной баландой на обед.

Смахнув слезу, накинув полушалок,
Детей оставив на соседей-стариков,
Они спешили рано, спозаранок
Запрячься в плуг, и подоить коров.

Война войной, а молодость не спрячешь,
Вот кто-то крикнет: «Бабы, не горюй!»
И дружно, как всегда, смеясь и плача,
Закатят всей деревней женский сабантуй.

В нещадный зной и в лютые морозы

Они не ждали радостей иных,
Когда под старою, заветною берёзой
Обнимут с фронта возвратившихся родных.

Надежда эта им была опорой,
Когда усталость сваливала с ног,
Да ребяташки, ждущие с тревогой,
Объятья матери, ступившей на порог.

Лаская худенькие детские ручонки,
Целуя радостные личики в слезах,
Вдруг на столе, увидев похоронку,
Мир рушился и меркнул свет в глазах.

Но некогда им было предаваться горю,
Дела нельзя отложить на потом,
И завтра снова с раннею зарею
На дальние покосы отправятся пешком.

Не все из них дожили до Победы,
Не у всех мужья и сыновья пришли домой,
Но всё же общею бедой тернистый путь изведав,
Они гордились выпавшей судьбой.

Их имена не выбиты на плитах,
На кладбищах могилки заросли,
И наши дети не всегда узнают лица
С портретов бабушек, что мир для них спасли.

Поклонимся до долу нашим матерям,
Тем, кто ещё пока сегодня с нами,
Прикоснёмся к белым запорошенным вискам
Своими нежными и тёплыми губами.

Игорь Леонтьев, 18 лет, пгт. Оричи

Страшное слово - ВОЙНА

Страшное слово – ВОЙНА.
Страшной оказаться на ней.
Но, если придётся, тогда
Врага своего не жалей.

Пощады не будет от нас,
Ведь русские люди мы.
И помним мы и сейчас,
Как бились за нас деды.

Как Родину защищали,
Как убивали фашистов.
Как глотки им яростно рвали,
И страну спасли от садистов.

Без страха бились до смерти,
Не давали немцам пройти.
Тогда поняли фрицы эти -
Зря решили на нас пойти.

Кто пришёл воевать с мечом,
От него он голову сложит.
Народу нашему враг нипочём,
Ведь ярмо носить он не может.

Это страшное слово – война,
И не хочется быть на ней.
Но если придётся, тогда
Врага своего не жалея.

Кочурова Светлана, внучка фронтовика, город Киров.

Предисловие.

Это произведение я посвящаю моему дедушке Коновалову Василию Алексеевичу, родившемуся в 1899 году в селе Быстрица. В июле 1941 года он ушёл на фронт, погиб в январе 1942 года. И моей тёте, Коноваловой Анне Васильевне, родившейся 22 декабря 1922 года, участнице Великой Отечественной войны. Попала на фронт Анна Васильевна в июле 1941 года и закончила войну в 1945 году под Варшавой. Анна Васильевна была доброй и отзывчивой женщиной и заменила мне рано покинувшую этот мир мою маму. Умерла Анна Васильевна 2 июля 2002 года.

70-Я ВЕСНА

Вступление

Солдаты войны, ветераны,
Прошло целых 70 лет,
Но также болят ваши раны.
И рядом друзей многих нет.
Вернулись домой в 45-ом,
Испившие горе до дна:
Отчизны сыны и девчата,
Которых сроднила война.
Победа! – святейшее слово!
И вот уже 70 лет
С последнего дня грозового

Без войн мы встречаем рассвет.

Часть первая. Письмо деда

Я деда своего не видела ни разу,
Под Ленинградом он, сражённый пулей, пал.
От бабушки узнала из рассказа,
Что он в единственном письме ей написал:

«Храни, Катюша, младших деток.
Я Аню, старшенькую, на перроне повстречал.
Была она в шинель одета,
При встрече чуть её узнал.

Недолго рядом постояли:
Она – на запад, я – под Ленинград...
Приказ к отбытию подали,
Минутной встрече очень рад...

Себя, родная, береги,
Как жаль, что дом наш не достроен.
Опять на нас идут враги
Фашистским ненавистным строем.

Прости, коль пуля вдруг догонит,
И не вернусь к тебе домой.
Володя-сын пусть дом достроит,
Ему уж десять, он большой.

А внуки будут – расскажи,
Как дед за мир для них сражался.
Недолгую, мол, прожил жизнь
Навечно молодым остался...»
И был убит мой добрый дед,
Под Ленинградом похоронен.
Спасая мир от зла и бед,
За Родину погиб российский воин.

Часть вторая. Аннушка

Анюта – это тётушка моя,
Исполнилось ей только 18.
Война пришла, и каждая семья
Устала плакать, плакать и прощаться.

Ушла на фронт за папой следом
Дочь старшая, совсем ещё дитя!
Тем тёплым сорок первым летом

С ней бабушка прощалась у плетня.

Ученья днём и ноченьки без сна,
Солдатам раненым девчата помогали.
Не плакали. В стране родной война,
И, зубы стиснув, в сапогах шагали...

Перрон. Та встреча на вокзале,
Бомбёжки, Неизвестные края...
Связисткой Ньюрой тётю называли,
От взрывов сыпалась на голову земля...

До дня Победы Аня воевала,
Она в Варшаве-городе была...
Живой вернулась, и пешком с вокзала
В деревню к бабушке солдатка та пришла.

Грудь в орденах, а волосы – седые.
Война проклятая, что натворила ты?
«Я дома!» - и заплакала впервые.
То слёзы радости или несбывшейся мечты.

Заключение.

Май месяц. Снова День Победы!
Фронтовики надели ордена.
Состарились солдаты – наши деды,
70-я без войн пришла весна.

Тогда им было 20 с небольшим,
Сейчас же – далеко за 90.
Из дома вышел с правнуком своим
Орденосец небольшого роста.

Мы низко голову склоняем перед вами,
За ратный подвиг вас благодарим!
Столетний юбилей не за горами...
Пусть будет небо мирным, голубым!
